

60 коп.

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

БРОНТОЗАВР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

БРОНТОЗАВР

РИСУНКИ Т. ЛЕБЕДЕВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

Ребята! Пишите свой отзыв об этой книге по адресу: Рождественка, 4, Госиздат, Детский Отдел.

Главлит № А—62053. Гиз № 37143. Зак. № 192 7 п. л. Тираж 7000

Типография Госиздата «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

1. МИЛЛИОН ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Лист, тихо кружась, упал на воду...

Иглы араукарий дрогнули и зазвенели на гибких ветвях...

Деревья чуть наклонились и снова выпрямились...

Едва заметны были розовые облака на горизонте. Солнце садилось.

В тинистой воде медленно поднимались большие пузыри. Они всплывали на поверхность воды, переливаясь красным, синим и желтым, и лопались. Мелкие круги разбегались от лопнувшего пузыря, бороздили воду и, сталкиваясь друг с другом, превращались в нежную рябь.

На смену лопнувшим пузырям поднимались все новые и новые.

Казалось-- тинистая вода дышала.

Толстый слой ила и отмерших частей растений устилал дно огромного болота-озера. В этой разлагающейся массе жили мириады бактерий бро-

жения, и радужные пузыри, прорывавшие сонную гладь озера, говорили о непрестанной деятельности этих обитателей темного дна.

Высокие деревья отражались в черной воде. Их ветви свисали над заболоченным озером, странные двухдольчатые листья чуть шевелились на длинных черешках.

Ветер дул с озера и нес с собою запах гнили и тины.

В густых зарослях папоротников, хвощей и кустов было тихо. Ни одна птица не мелькала в зелено-бурых ветвях, ни одна бабочка не порхала в поисках за яркими и душистыми цветами, ни одна пчела не гудела в траве. Цветов не было — были только листья и ветви, только высокие стволы и ярко-рыжие лепешки лишайников на их темно-серой коре.

Лес молчал и казался спящим.

СТРЕКОЗА

Гигантская стрекоза, в полметра длиной, слетела с куста и понеслась над водой. Ее крылья громко шуршали, а на поворотах издавали резкий дребезжащий звук.

Пролетев над краем болота, стрекоза повернула и полетела обратно вдоль берега, поблескивая крыльями в лучах заходящего солнца.

С папоротника слетело большое насекомое. Стрекоза круто повернула...

Насекомое кружилось над водой, то подни-

маясь, то опускаясь. А за ним—кружилась, поднималась и опускалась стрекоза. Казалось они играли. Но то не было игрой, то была борьба, в которой проигравший платил жизнью.

Насекомое проиграло.

Стрекоза взвилась кверху, упала и—с добычей в сильных челюстях—уселась над водой. Ветка на которую она села, чуть дрогнула и провисла: стрекоза была очень тяжела, она весила не менее полукилограмма.

Стрекоза медленно жевала, и ее вид был страшен—так велики были челюсти и так быстро и неустанно они двигались. Казалось, что это не насекомое, а какая-то странная машина, перемалывающая что-то сказочными жерновами.

Огромные глаза охватывали голову стрекозы, заходили на бока, прикрывали затылок, спускались на лоб. Стрекоза сразу видела вправо и влево, назад и вперед, вверх и вниз. И этот чудовищный кругозор делал еще страшнее хищное насекомое.

Стрекоза жевала. Ее глаза тускло светились и чуть поблескивали в лучах солнца сотнями нежных граней.

ОТОРВАННАЯ НОГА

Стрекоза слетела на песок...

Не успела она сесть, как из-под лежавшего здесь полусгнившего ствола дерева высунулись клешни, а сзади них засверкали две ярких точки.

Сухопутный краб уставился своими стебельчатыми глазами на стрекозу. Он медленно высовывал голову из-под ствола и пристально глядел.

Его глаза были так блестящи, что казались не глазами, а кусочками стекла.

Стрекоза опустила на песок.

Ее прозрачное слюдяное крыло прикоснулось к стволу дерева почти над входом в нору краба. Медленно высунулась голова, блеснули глаза, протянулась клешня...

Громко затрещав крыльями, рванулась стрекоза, схваченная за ногу. Она рванулась так сильно, что наполовину вытащила краба из его норки. Но клешня успела сжаться, нога стрекозы была захвачена крепкими тисками. Трещая крыльями, ярко сверкавшими в красных лучах солнца, стрекоза пыталась подняться на воздух, а краб не разжимал клешни и цеплялся членистыми ножками за кору ствола.

Вторая клешня раскрылась и протянулась к стрекозе. Но...

Насекомое порывисто взлетело, словно подброшенное на воздух.

В клешне краба остался обрывок ноги стрекозы. Клешня поднесла этот кусок ко рту, челюсти задвигались было, но тотчас же перестали жевать — роговой кусок был несъедобен.

Краб выронил ножку стрекозы и спрятался в норку.

КРАБ И СКОРПИОН

День шел к концу. Солнце почти скрылось там, на другом берегу озера, сев за рощу саговников. Их перистые листья теперь отчетливо выделялись на красном фоне заката. Изредка всплескивалась вода—рыба, играя, выбрасывалась из озера. Мелкие насекомые, похожие и на мух и на комаров сразу, закружились у прибрежных зарослей. В чаще папоротников кто-то прошуршал, под кем-то мягко хрустнули полусгнившие ветви.

Лес и озеро казались мертвыми—так было тихо...

Из-под камня, лежавшего недалеко от норки краба, вылез большой скорпион. Он расставил клешни и высоко загнул над кольчатым телом длинное брюшко с ядовитым крючком на конце. Держа наготове свое оружие защиты и нападения, он проворно побежал по песку. Добежал до ствола дерева, побежал вдоль него.

Краб вылез из норки. Он услышал шорох, увидел бегущего скорпиона. Скорпион не был врагом, он был—добычей. Краб расставил клешни и замер на месте...

Скорпион бежал и бежал вперед. Краб повернулся и быстрым прыжком—это был не прыжок, но иначе этого не назовешь—нагнал скорпиона. Тот остановился, и тотчас же клешня схватила его за ногу.

Ядовитый крючок замелькал в воздухе. Скорпион размахивал им, как цепом. Удар за ударом

падали на краба. Но тонкий и острый крючок не мог пробить толстой брони краба. Яд не проник в тело краба, и крохотные капельки его растекались по известковой скорлупе.

Крючок повис — краб крепко сжал кончик брюшка скорпиона, сжимал его все сильнее и сильнее. Тонкий панцырь скорпиона не выдержал — из места, прорезанного клешнями краба, выступили капельки мутной жидкости — скорпион был сильно ранен.

Много минут кружились по песку краб и скорпион. Все слабее и слабее отбивался скорпион, все сильнее и сильнее сжимал его клешнями краб. Конец брюшка скорпиона упал на песок — краб оторвал его.

Скорпион неуклюже заковылял, спасаясь от краба, но тот догнал его, схватил, и снова на песке закопошились два тела — круглое и длинное, мягкое и жесткое.

Наконец краб изловчился, схватил клешней переднюю часть туловища скорпиона, сдавил и уже не выпускал.

Он не ждал пока скорпион умрет — в живого краб запустил свои челюсти и принялся жевать, сначала ноги, а потом и брюхо...

Эта битва не нарушила молчания ночи. И краб и скорпион были немые — они не издавали никаких звуков и сражались молча. Они дрались на песке, и ни треска, ни шороха не было слышно. Ночь молчала попрежнему, и ее тишины не нарушил

ни жалобный крик побежденного, ни торжествующий голос победителя.

На поверхности озера лопались пузыри...

Вспыхнул один пузырь, другой...

Над болотом заплясали огоньки, заметались из стороны в сторону, понеслись то к лесу, то от леса. Они прыгали и кружились, то вспыхивая десятками, то в одиночку. То сплетались в пестрые узоры, то исчезали. То быстро неслись по ветру, то медленно плыли, то замирали на месте.

Огоньки плясали над водой. И это было единственным движением, нарушавшим теперь мертвую неподвижность, охватившую мрачный болотистый лес.

II. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

яйцо лопнуло

На утренней заре, на песчаном острове, посреди болота, раздался громкий треск. В невысокой траве, чуть прикрывавшей ярко-желтый песок, что-то зашевелилось.

Из треснувшей скорлупы огромного яйца высунулась небольшая серая головка на длинной шее. Моргнула глазами... Спряталась... Снова высунулась, испуганно заморгала, и снова ушла в скорлупу.

Яйцо лежало не одно. Возле него было еще несколько яиц, сквозь редкую траву они казались большими белыми камнями. Темная гора заслоняла яйца от солнца, поднявшегося над горизонтом.

Гора зашевелилась, тень дрогнула и передвинулась. Над горой поднялась длинная шея. Небольшая голова повернулась в одну сторону, в другую... Пасть раскрылась, животное протяжно зевнуло.

И тут же, оборвав зевок, оно взглянуло вниз, круто изогнув шею. Там, внизу, где тень покрывала песок, снова раздался треск. Еще одно яйцо лопнуло, еще из одной трещины на миг высунулась небольшая головка.

Теперь растрескалось уже несколько яиц. Из нескольких яиц высовывались и прятались головки на длинных шеях.

Яйцо развалилось. Скорлупки рассыпались в стороны, словно лепестки внезапно распустившегося цветка. И в середине остался—он.

Испуганный внезапным простором, светом и легким ветерком, он прижался к песку, как бы ища тех спасительных скорлуп, которые его так предательски покинули. От его движений скорлупки раздвинулись еще шире, и детеныш оказался совсем неприкрытым. Тогда он приподнял голову, шевельнулся, вытянул шею и вдруг сразу встал на ноги. Среди белевших на песке скорлуп он казался почти черным и очень неуклюжим.

Темная гора чуть сдвинулась с места. И тотчас же лучи солнца—словно они только этого и дожидались—заиграли в траве. Солнце грело детеныша, яркие пятнышки прыгали по его бокам

и спине, перескакивали со скорлупы на песок, с песка на траву.

Еще одна скорлупка развалилась, еще один сказочный цветок раскрыл свои лепестки, и еще один детеныш припал к песку.

На песке, возле темной горы, теперь виднелось несколько маленьких холмиков среди белых скорлуп.

Это было потомство бронтозавра.

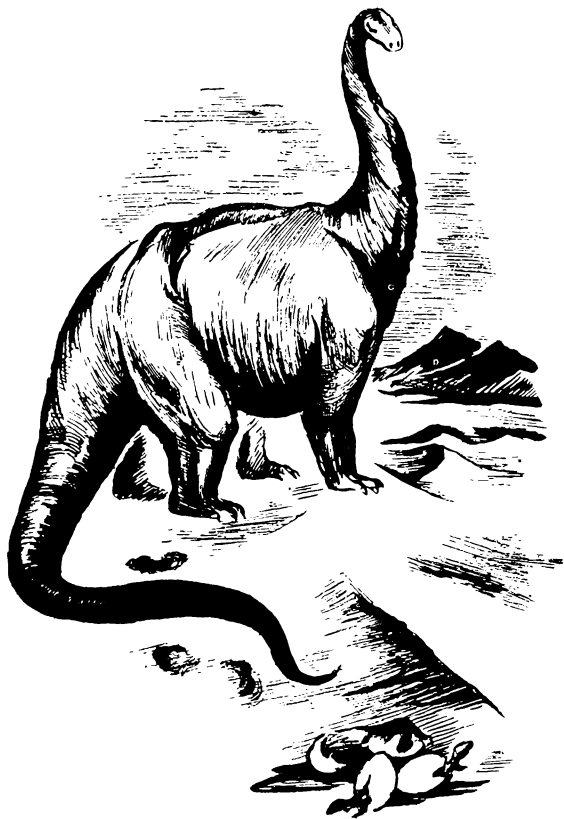
ДЕТИ БРОНТОЗАВРА

Тень, лежавшая на песке, становилась короче и короче. Скоро она стала совсем короткой. Солнце поднялось высоко, оно стояло теперь выше спины бронтозавра, оно поднялось над темной горой. Теперь лучи его падали почти отвесно. Они уже не ласкали, не нежили, они — жгли и кололи.

Среди скорлупок началось движение. Один за другим поднялись серые холмики, вытянулись длинные шеи, легли на песке длинные хвосты.

Детеныши были очень неуклюжи. Их ноги были слабы, а длинные хвосты — тяжелы. Голова никак не хотела держаться на длинной шее и упорно склонялась к земле. Зато хвост был послушен как ему и полагается, он тащился за туловищем.

Они спотыкались и переваливались с боку на бок. Они то припадали на передние ноги, и тогда их шеи далеко вытягивались вперед, а головки ложились на песок; то приседали на задние

и тогда передние ноги беспомощно повисали в воздухе, а шея извивалась, словно ища точки опоры. Маленькие глазки, чуть видневшиеся в узких прорезы век, мигали. Рты жадно глотали воздух. Слабые звуки, не то сопенье, не то хрип, раздавались над песчаным островком.

А солнце катилось по небу, забиралось все выше и выше. Его отвесные лучи раскалили песок. Воздух стал зноен и сух.

Темная гора дрогнула. Короткая тень метнулась по песку, запрыгала, медленно передвинулась вперед. Бронтозавр поднялся. Он был чудовищно велик. Он был так громоздок, что даже не походил на животное. Его ноги тяжело вдавливались в песок, а хвост прорыл в нем глубокую канаву. И когда один из детенышей доковылял до этой канавы, он тотчас же свалился в нее и беспомощно забарахтался на ее дне. Песок осыпался, хвост путался в песке, путался меж ногами.

Детеныш встал на хвост передними ногами и, пыхтя, пытался сдвинуться с места. Он не проваливался теперь в песок, но сдвинуться с места не мог. Он поднимал то одну, то другую ногу, но что-то его не пускало. Он словно прирос ко дну канавы.

Песок набился детенышу в глаза. Песок был у него в ноздрях и во рту. Детеныш хрипел и задыхался, он щурил глаза и жалобно мычал. Хрип вперемежку с фырканием все громче и громче раздавался на дне канавы.

Другой детеныш свалился в яму — след ноги матери. Он так завяз в ней, что не мог даже пошевелиться. Детеныш чуть ворочался в яме, так плотно обхватил его желтый песок. Он ворочался до тех пор, пока не осыпались края ямы. Только тогда, кое-как цепляясь неуклюжими ногами, он выбрался наружу и тут же чуть было не свалился в соседнюю яму. Их в песке было много.

Пыль окутала островок. А над этой пылью, среди хрипа и возни, молча и мрачно возвышалась темная гора — мать.

ВПЕРЕД!

Эта возня продолжалась очень долго. Песочная пыль, поднятая детенышами, все гуще и гуще окутывала бронтозавров. И мать не выдержала пыли и зноя. Ветерок, донесшийся с болота, принес с собой не только запах гнили и тины. Он принес влагу и прохладу. И, словно вспомнив, что есть болота и озера, мать шевельнулась, подняла ногу, другую и двинулась вперед.

Она шла прямо, не глядя под ноги. Ей, такой большой и тяжелой, не были знакомы преграды на пути. Деревья были для нее — травой, кустарником. Она сметала их в стороны, даже не вздрагивая, когда наталкивалась на них на всем ходу грудью или тяжело задевала их боком. Ствол отлетал в сторону, словно подхваченная вихрем соломинка.

Так бывало в лесу. А здесь, на песчаном острове,—кто мог здесь встать на ее пути?

Земля глухо дрожала под поступью чудовища, уродливо-большая тень прыгала по песку. Далеко впереди горы-туловища виднелась крохотная головка на вытянутой шее. Тяжело волочился по песку длинный и толстый, как огромное бревно, хвост.

За ней ковыляли детеныши. Мать не звала их с собой, не дожидалась. Она даже не соизмеряла своих шагов с их шажками. Она —шла. Что и кто сзади нее—это ее совсем не интересовало. И меньше всего ее интересовали ее собственные детеныши.

Только раз она остановилась и прислушалась. Там, позади, громко затрещали заросли, оттуда донесся шум борьбы, и хриплые крики прорезали воздух. Мать остановилась, протянула шею в небо. словно с вершины сторожевой башни смотрели вдаль небольшие глазки.

Мать стояла и слушала. А детеныши, козыля и спотыкаясь, падая и снова вставая, обогнали ее. Они не остановились, не оглянулись на мать. Они прошли дальше, словно то была не мать, а гора, холм.

Мать снова шагнула. И первый же ее шаг стоил жизни одному из детенышей —ведь она не смотрела себе под ноги. Нога-колонна тяжело опустилась на детеныша и вдавила его в песок. Когда мать прошла,—даже не заметив случившегося, да-

же не почувствовав, что она на что-то наступила,—так ничтожен был детеныш по сравнению с ней,—в песке осталась яма, чуть влажная и грязноватая. Детеныш исчез.

У ВОДЫ

Далеко впереди блеснула вода. Высокий кустарник, отдельные папоротники и заросли хвощей окаймляли озеро и болото. Туман висел над озером, и сквозь этот туман тускло поблескивала грязная вода, покрытая тиной и водорослями. Высокие, словно бамбуки, хвощи торчали из воды, большие зеленые листья неподвижными лепешками лежали на ее сонной глади. Вдали, далеко-далеко от берега смутно виднелись над водой черные холмы.

Под ногами бронтозавра захлюпала болотистая почва. Ноги все глубже уходили в нее, он вытаскивал их с громким чмоканьем, брызгая илом и грязью. Огромные ямы оставались на следу бронтозавра, и в них тут же просачивалась вода.

Вытягивая вперед шеи, тыкаясь головками то в траву, то в кочки, то в ямы с водой, детеныши не то шли, не то ползли по трясине.

Вода... Бронтозавр вытянул шею, высоко поднял голову и на миг остановился. Он обвел тусклыми глазами горизонт и отвернулся. Взглянул на воду, повернул голову и глянул себе за спину, изогнув шею. А потом — протяжно и громко закрипел. И тотчас же на этот густой и ржавый

скрип донесся ответ. Он несся от воды, от тех черных холмов, что виднелись вдали, среди зеленых листьев водяных растений.

Черные холмы зашевелились, приподнялись над водой. Длинные шеи вытянулись в сторону берега. Ржавый скрип еще раз пронесся над озером и болотом. А потом шеи опустились, холмы погрузились в воду, и снова стало тихо.

На озере паслось целое стадо бронтозавров.

Бронтозавр двинулся вперед. Ни на минуту не замедляя поступи, он вошел в озеро. Волны побежали по воде. Казалось, что все озеро выплеснется на берег—так велико было чудовище, вошедшее в воду.

Вода поднялась, залила бронтозавра до спины. Словно остров, подымался он теперь над грязной водой. Хвоста видно не было, но позади бронтозавра вода бурлила и кипела, разбегаясь двумя большими валами. Это хвост волочился по дну, вздымая ил и тину.

ПЕРВАЯ ЕДА

Детеныши, подойдя к воде, попятнулись. Одно из них залило волной, и он отряхивался, подергивая хвостом. Другой упал, волна перекатилась через него, перевернула его, положила на бок. Волны, поднятые бронтозавром, остановили детенышей. Они не испугались, они просто не могли устоять на ногах. Волны сшибали их на мох, перекатывались через их тела. И только

когда мать отошла далеко от берега и волны улеглись,—детеныши осмелели. Вытянув шеи, они опустили головы к воде. Поднялись, огляделись узенькими глазками, снова пригнулись...

Трава, росшая у берега, щекотала их морды, попадала в глаза, лезла в поздри. Детеныш фыркнул, и словно нарочно—трава попала в раскрытый рот.

Этого было достаточно.

Губы сжались, мышцы напряглись, челюсть дрогнула. Детеныш передвинул челюсть и зажевал. Он не умел, да и не мог жевать толком, он шевелил челюстью, тер одной губой о другую. Трава не разжевывалась, она только мялась во рту. А потом, когда челюсть устала, детеныш натужился и проглотил траву. Он задергал шейей, когда по пищеводу проходил непрожеванный комок, вздрогнул и тотчас же потянулся за новым пучком травы.

Челюсти жевали, губы хватали траву. Не входя в воду, детеныши ели.

Трава была жестка. Водоросли были гораздо сочнее. Но детеныши не знали, что водяные растения мягче и вкусней, и жевали невкусную и жесткую болотную траву, царапавшую им рты.

холодно...

Солнце давно уже перешло на запад. Тени сгустились. Откуда-то донесся громкий рев, всполошивший бронтозавров,—над озером сразу поднялось до десятка голов на длинных шеях.

Рев испугал детенышей. Мгновенно прижались они ко мху, вытянули шеи и пригнули головы. Рев кончился, а детеныши продолжали лежать. Потом поднялся один, другой...

От озера повеяло холодком, туман еще гуще окутал его и скрыл в своей белесой пелене черные холмы далеких бронтозавров. Еще быстрее залетали над озером стрекозы, заплескалась вода — рыбы выпрыгивали из нее, пытаясь схватить кружившихся над водой насекомых.

В зарослях хвощей завозились большие болотные черепахи, чмокала тина и чуть шелестели папоротники.

Детеныши начали зябнуть.

Их сердца бились слабо. Тепла в их теле вырабатывалось мало, его не хватало на то, чтобы прогреть всю эту гору мяса и костей. Солнце, которое грело их днем, исчезло. Вместо него показалась бледная луна. Она слабо светила и совсем не грела.

Детеныши зябли...

Но они не дрожали от холода, они просто становились все менее и менее подвижными. Они давно уже перестали жевать, перестали бродить по трясине. Остановились... И, наконец, прижались ко мху, такому сырому, сбились в кучу. Легкая тень легла на мох от этой кучи, а луна чуть играла на влажных, покрытых росой спинах.

НОЧЬ

На озере далеко от берега стояли в воде взрослые бронтозавры. И им было холодно, и они коченели. Но в воде было теплее, чем на суше. Их не охватывал пронизывающий туман ночи — они были в воде. Их чудовищно большие тела не сразу отдавали накопленное за день солнечное тепло. Они спрятали в воду шеи, и только головы виднелись поверх воды.

Бронтозавры не спали, но они и не двигались. Чуть вырывался из ноздрей тепловатый пар, и только поэтому можно было догадаться, что бронтозавры живы.

Ночь, прохладная и сырая, была для них чем-то вроде временной смерти. Каждую ночь они погружались в оцепенение, каждую ночь утрачивали подвижность. Они не могли даже раскрыть глаз — настолько ослабевали их мышцы. И если они не тонули, не спускались на дно озера, то только потому, что их тела поддерживали четыре массивных ноги и тяжелый хвост. Подпертые этими ногами и хвостом, они стояли на дне озера так крепко, словно вросли в него.

Большая саламандра вылезла из воды. Взобравшись по хвосту бронтозавра, она поднялась ему на спину и пристроилась на бугре, выдававшемся из воды.

Стрекоза полетела к саламандре, повисла над ней в воздухе. Саламандра резко повернулась, подняла голову. Стрекоза шевельнула крыльями

и улетела к берегу. Мошкара кружилась над листьями водяных растений.

Бронтозавры неподвижно стояли в озере.

Только заря могла разбудить их, вывести из оцепенения, сделать снова сильными, не знающими преград и препятствий. В солнечном тепле была их жизнь. Нет солнца нет тепла—нет жизни.

Детеныши неподвижной кучей лежали на мху. По ним бегали какие-то небольшие животные, ползали жуки. Около них проползали черепахи, на них садились стрекозы.

III. ВОДА — СПАСЕНИЕ!

ПОРА ЗАВТРАКАТЬ

Солнце поднялось во всем своем блеске.

Оно катилось над озером, разгоняя клочья тумана. Оно катилось над трясинной, забираясь в тину и осушая небольшие лужицы. Оно принесло с собой радость утра и тепло.

Вода озера казалась теперь не такой тяжелой и грязной. Солнечные лучи заискрились среди островков и кочек трясинны, серебристыми полосами легли на зарослях хвощей, ярко заиграли на больших зеленых листьях водяных растений.

Заря разбудила озеро и болото.

Стало тепло, и бронтозавры зашевелились. Приподняли головы, вытянули шеи, лениво переступили затекшими за ночь ногами.

Солнце грело все—воду, трясину, воздух, бронтозавров.

И чем быстрее текла кровь в их телах, пригретых солнцем, тем сильнее хотелось бронтозаврам есть. Они всегда ели много. Ели лениво, не торопясь, но—почти весь день. Огромное тело требовало много пищи. По утрам же голод был особенно силен.

Бронтозавры медленно двинулись вперед.

На том месте, где они провели ночь, есть было почти нечего—все было съедено вчера. Вразброд, как попало, но они двигались в одну и ту же сторону. Они шли туда, где на воде виднелись ярко-зеленые листья растений, такие веселые в солнечных пятнах и лучах.

Волны побежали по озеру, сталкиваясь и образуя водовороты. Хвощи у далекого берега качали своими верхушками, зеленые листья прыгали по воде. Ил, взрытый хвостами, клубами поднялся со дна и замутил воду.

МЕГАЛОЗАВР

Бронтозавры на ходу опускали голову глубоко под воду. Их длинные шеи скрывались тогда в воде почти до самых плеч. Там, на дне, росли водоросли. Они были сочны и нежны, и хотя в них было больше воды, чем твердого вещества, бронтозавры ели их очень охотно.

Но еда не поглощала их внимания целиком. Они то и дело останавливались, приподнимаи го-

ловы, вытягивали шеи, присматривались и прислушивались. Они словно чего-то ждали, кого-то боялись.

Громкий треск раздался вдали, в роще цикадей. И тотчас же бронтозавры повернули головы в сторону шума. Треск становился все громче и громче. Качнулась одна из цикадей, склонилась, исчезла в зеленой чаще. Качнулась и исчезла другая...

Через рощу ломилось какое-то животное.

На берегу озера появилась массивная фигура. Бронтозавры взглянули на нее и — словно по команде — отвернулись. Это был только бронтозавр.

«Свой»...

Выйдя из леса, бронтозавр остановился. Из чащи доносились какие-то звуки. Они были смутны, в них смешивался и шорох ветвей, и треск кустарников, и шаги какого-то животного.

Бронтозавр поспешно зашагал по болоту. Подойдя к воде, он громко заскрипел. С воды донесся ответный скрип. И тотчас же грузное тело вошло в воду, волны ударились о берег и покатились, ломая хвощи, по болоту.

Кусты громко затрещали, раздвинулись.

Из леса на опушку выскочило огромное неуклюжее животное. Оно мчалось уродливыми прыжками. Его задние ноги были очень длинные, а передние короткие. Длинный и толстый хвост подпирал сзади туловище, и животное, отталки-

ваясь им и задними ногами, прыгало вперед на несколько десятков метров сразу.

Мегалозавр поглядел на озеро, увидел вдали бронтозавра и замер. Скакнул, ощерил страшные острые зубы и снова замер. Гора мяса манила его, но мясо было недоступно.

Прыжок, другой, и - мегалозавр скрылся в кустах.

В кустах добычи не оказалось. Хищник запрыгал дальше, вдоль лесной опушки. Он прыгал все быстрее, его прыжки становились длинней и длинней. Скоро болото и озеро остались далеко позади. Впереди - заросли, за ними - луг. Мегалозавр сунулся было в заросли, но они были очень густы. Тогда он запрыгал вдоль зарослей, поглядывая по сторонам и ища прохода сквозь разросшиеся непроходимой стеной папоротники.

НА ЛУГУ

На опушке зарослей древовидных папоротников паслось несколько животных. Они стояли на задних ногах, опираясь на длинные и толстые хвосты, пригибали передними короткими лапами вай папоротников и обгладывали их. Они ели спокойно и не торопясь, словно ни один враг не угрожал их благополучию. Опасностей и врагов для них как будто не существовало.

Объев один папоротник, игуанодонт огляделся и лениво скакнул, чуть упершись хвостом в землю. У следующего папоротника он остановился, вытя-

нул передние лапы, схватил ими ваю папоротника, пригнул ее и потащил в рот.

...Вдали на лугу ярко сверкали в лучах солнца гребни двух стегозавров. Невысокие и неуклюжие, они были страшны на вид. Ряд больших треугольных пластинок высоким гребнем поднимался на их спине, а хвост был усажен длинными и толстыми шипами. Они походили на причудливую смесь свиньи, дикобраза и сказочного дракона.

Стегозавры громко чавкали, поедая сочную траву.

Наевшись, они уселись друг против друга. Они били один другого передними лапами в грудь; били так сильно, что костяные пластинки, прикрывавшие грудь, громко гудели. Но то не было дракой, нет. То—самец ухаживал за самкой.

Мегалозавр показался вдали, среди зарослей. Он увидел добычу и скрылся в кустах. Игуанодонты не видели хищника, но когда тот начал продираться сквозь заросли, они слышали треск.

Игуанодонты насторожились и перестали есть. Сидя на хвосте и задних ногах, они прислушивались и напряженно вглядывались вдаль.

Вдали ничего видно не было, но кусты трещали, слышался не то хрип, не то громкое сопенье.

Один из игуанодонтов не выдержал—напряжение было слишком велико. И как только кусты затрещали особенно сильно, он выпрямился, оттолкнулся от земли и быстрыми прыжками понес-

ся вдоль опушки. Вид бегущего испугал остальных игуанодонтов. Один за другим помчались они по опушке и скоро скрылись в зарослях цикадей.

УДАЧНАЯ ОХОТА

Стегозавры так увлеклись своим запрятием, что ничего не замечали. Они не заметили, как промчались по опушке игуанодонты. Они не услышали шороха кустов и папоротников. Они не услышали громкого топота...

А папоротники все сильнее и сильнее раскачивали своими верхушками, вздрагивали ваями. Кусты шелестели, трещали сухие ветви, слышалось сопенье.

— Гу-ууууууу... гудела грудь от удара.

— Гу-ууууууу... отвечала ей другая.

Из-за кустов выскочил мегалозавр. Он не стал подкрадываться, а помчался открыто, не прячась.

Прыжок, другой, и он — рядом.

Только теперь очнулись стегозавры, услышали шум и топот и почувствовали беду. Они вздрогнули, шевельнулись... Было поздно.

Самец не успел отскочить от самки, самка не успела опуститься на передние ноги. Мегалозавр обхватил их обоих сразу своими передними лапами. Это объятие было крепко, очень крепко. Костяные грудные пластинки затрещали — так сдавил добычу мегалозавр.

Громкий рев хищника, торжествующего победу, прорезал воздух, пронесся над лугом, прокатился

по лесу, отозвался на болоте. Эхо повторило его, понесло дальше и дальше. Все кругом слышали этот рев, все узнали, что мегалозавр вышел на охоту. И все — насторожились.

Жалобное мычанье было ответом мегалозавру. Мычанье оборвалось — самец-стегозавр не успел дотянуть последней ноты. Самка не замычала совсем — так крепко придавил ее хищник к груди самца. Она умирала молча.

Мегалозавр разжал лапы, и оба стегозавра повалились на траву. Они были еще живы, но бежать, сопротивляться не могли. Их ноги чуть дергались, чуть ерошились длинные шипы на хвосте, пена, смешанная с кровью, выступила изо рта.

Клыки хищника сверкнули и врзались в добычу. Мегалозавр рвал стегозавра, отрывал от его тела большие куски и глотал их, почти не жуя. Он отшвырнул в сторону большой костяной треугольник из спинного гребня стегозавра, взвизгнул, напорвшись на острый хвостовой шип, и продолжал жадно есть.

два хищника

Высоко над землей ветер нес тучи. Внизу, над лугом, воздух неподвижно висел, знойный и пряный. Пахло травой и чуть-чуть мускусом. Это был запах мегалозавра.

Из папоротниковых зарослей донесся шорох...
Еще... Еще...

Мегалозавр оглянулся, торопливо рванул в последний раз тушу и поднялся на ноги.

Громкий яростный крик...

Из зарослей выскочил второй мегалозавр.

Он не остановился, не стал приглядываться, прислушиваться, примериваться. Нет! Он сразу помчался навстречу противнику.

Тот не дожидался нападения. Смелый и свирепый, он бросился вперед. Он так рассвирепел, что оставил туши стегозавров, не стал охранять и защищать их.

Бой с врагом — дороже всего. Даже добыча, еда — ничто перед сражением.

Двойной рев раздался на лугу. Прокатился громовой волной над далеким озером и всполошил бронтозавров. Они долго стояли неподвижно, уставив головы в сторону луга. Они ничего не видели, они не знали, что там случилось. Но громовой рев был им хорошо знаком. Он говорил о страшной опасности, о близости свирепого врага. И страх перед этим врагом был так велик, что даже посередине озера недоступные врагу они боялись.

Новый рев...

Мегалозавр прыгнул и всей тяжестью своего тела обрушился на врага. Сшиб его и сам покатился по траве, не удержавшись на ногах, — так силен был толчок.

Мегалозавр кувыркнулся через голову, вскочил, отпрыгнул в сторону и замер.

Нападавший поднялся, оглянулся и сразу же прыгнул. Он не рассчитывал прыжка, а просто—прыгнул вперед. И снова,—пролетев с десятков метров по воздуху,—опустился на землю около врага. На этот раз он не промахнулся—еще на лету вцепился клыками в шею мегалозавра и сжал челюсти.

Удар хвоста, и—оба покатались по траве. Передние лапы мегалозавра били по воздуху, царапали кожу врага. Острые когти прорезали кожу, кровавые полосы легли на боках и груди нападавшего. Тяжелыми каплями повисла кровь.

Новый удар, теперь—в живот. Враг откинулся назад, но зубов не разжал. Он ответил на удар—распорол когтями бок мегалозавру. И тут же поскользнулся, свалился на бок и открыл врагу сразу и грудь и горло.

Нога уперлась в живот, другая поднялась, ударила, рванула...

Зубы нападавшего разжались, он выпустил шею мегалозавра.

«МЕГАЛОЗАВР — СМЕРТЬ!»

Враг опрокинулся, упал на спину. Его ноги били по воздуху, хвост извивался в траве. Из раскрытой пасти текли слюна и кровь, выпущенные кишки волочились, путаясь, по траве. Глаза тускнели, но силы еще были—он корчился в траве, пытаясь встать на ноги, ответить противнику новыми и новыми ударами.

Поздно...

Хрип, струйка крови... В последний раз судорожно взмахнул хвост, запутался концом в кишках, рванулся, потащил кишки за собой. Хвост так и остался полусогнутым, опутанным бурыми петлями кишок.

Мегалозавр вскочил. Он взглянул на врага и снова бросился на него, снова запустил зубы ему в горло.

Он так рассвирепел, что даже неподвижность врага не могла ослабить его ярости. И он продолжал рвать, грызть и кусать врага, терзал его лапами и таскал по траве до тех пор, пока тело врага не превратилось в бесформенную грудку красных и бурых лохмотьев.

Только теперь мегалозавр успокоился. Он встал на задние ноги, уперся в землю хвостом и оглянулся. Вдали на лугу виднелись туши стегозавров.

Ярость сменилась голодом—мегалозавр помчался к стегозаврам.

Через час он доел и вторую тушу. Он был сыт; кровь, разогретая борьбой и солнцем, быстро текла по телу, сердце билось резко и часто. Подвижной и сильный, неуклюжий и в то же время ловкий, он большими прыжками понесся по лугу, поглядывая по сторонам и время от времени издавая негромкие хриплые звуки. И те, кто слышали этот хрип, оглядывались, приподнимали головы и поспешно бежали в сторону.

Лес и луг, болото и озеро знали мегалозавра. Это был—страшный враг.

«Это—смерть» могли бы сказать животные, если бы они умели говорить и знали, что есть на свете—смерть. Они молчали, они были немые, они не знали слова «смерть». Но они бежали от мегалозавра со всей скоростью, на которую были способны. И этот безумный бег, этот ужас, который вселял в них рев мегалозавра, говорил лучше всяких слов:

«Мегалозавр смерть».

«ВОДА — СПАСЕНИЕ!»

Стадо игуанодонтов, спугнутых с опушки мегалозавром, помчалось по лугу. Они бежали долго, и едва остановились, как до них донесся двойной рев—на лугу началась драка между мегалозаврами. Снова помчались игуанодонты, прыгая через невысокие кусты и рытвины, огибая сплошные заросли папоротников.

Пробежав вдоль опушки леса цикадей, саговников и араукарий, они выбежали на окраину болота. Новый рев подогнал их, и они, перепуганные ревом и охваченные непреодолимым стремлением бежать, снова помчались вперед. Они бежали до тех пор, пока перед ними не засветилась вода болота, а под ногами не захлюпала грязь.

Ноги вязли, хвост тонул в грязи и не давал нужного для прыжка толчка. Болото и трясина остановили игуанодонтов.

И тут же они натолкнулись на молоденьких бронтозавров, со вчерашнего дня еще не покинувших болото.

Пригретые солнцем детеныши вперевалку бродили по трясине, скусывая траву, протягивая к воде шеи и кое-как вылавливая из воды водоросли. Они были совсем молоды — и звуки леса и луга, шум болота и озера еще не были им знакомы. Но громкий звук испугал их своей силой.

Услышав топот и хлюпанье, услышав прерывистое дыханье и хрип, они побежали к воде.

Они не знали воды, они не знали, что в воде спасенье. Они побежали к ней потому, что шум шел сзади, а вода была впереди. Шум приближался, приближалась и вода. И вот впереди вода, а сзади—сзади все нарастал и нарастал шум.

Вдруг, как от резкого толчка, проснулся дремавший инстинкт.

«Вода—спасенье!»

Детеныши не остановились на берегу озера, вошли в воду. Побрели по воде, уходя все дальше и дальше от берега. Волны чуть плеснулись бронтозавры были еще очень малы.

Игуанодонты не были врагами бронтозавров, но детеныши не знали этого. Они ничего еще не знали. Весь их житейский опыт пока сводился к одному: они умели кое-как жевать траву. И страшные чудовища, прыгавшие по болоту, перепугали их.

Бронтозавры замерли в воде. Они было по-прятали под воду даже головы, но задохнулись и высунули их из воды. Зато шеи они опустили в воду до самого затылка.

А с трясины несло хлюпанье, чмоканье грязи, слышался хрип и громкое сопенье. Один из игуанодонтов громко замычал. И тотчас же головки спрятались в воду и долго-долго не показывались оттуда.

В этой встрече бронтозавров с игуанодонтами была хорошая сторона—детеныши пошли в воду. Им понравилось в воде, они уже не вышли в тот день на берег. И на ночь они остались в озере, подняв над водой—подобно взрослым—головы, и всю ночь простояли, опершись на длинные хвосты.

IV. ОЗЕРО ВЫСОХЛО

ОНИ РАСТУТ

Много кругов на небе описала луна.

Много раз показывалось на востоке, катилось по небу и пряталось на западе солнце.

Много раз на смену длинным дням и коротким ночам приходили короткие дни и длинные ночи.

Много раз сменили свои ваи папоротники, и много раз роняли араукарии одряхлевшие иглы.

Много раз линяла саламандра, и много раз над озером кружились в воздухе только что появившиеся на свет мухи и комары.

Прошло несколько лет. Лет однообразных и монотонных, без белых хлопьев зимы, без радостной весны и мутной осени. Не было и лета. Только разница в длине дней говорила о смене времен года.

Детеныши бронтозавра понемножку росли.

Быть может, они росли бы скорее, если бы ели побольше. Но озеро, на котором они жили, было для них слишком глубоко. Только у самого берега они могли бродить в воде и кормиться.

Они ели под ряд все—водоросли, траву, нежные побеги молодых хвощей. Сначала они съедали то, что было повкуснее, потом начинали есть более грубые побеги. Но и этих побегов становилось все меньше, все больше приходилось бродить вдоль берегов, чтобы найти еду. Трава, росшая на трясине возле озера, была редка. Детеныши ели так много, что взамен съеденной и вытопанной травы не успевала вырастать новая.

Иногда, когда голод особенно сильно мучил их, они пытались уйти подальше от озера, уйти за ту трясину, которая подходила к озеру. Но далеко уйти им ни разу не удалось. Стоило им отойти на сотню-другую шагов от озера, как их кто-нибудь пугал. То доносился рев из соседних рощ и лесов, то слышался топот, то—это случалось всего чаще—они пугались, сами не зная чего. И всегда—они поспешно шли к озеру, залезали в воду по самые головы и часами стояли так, уставившись на берег.

Страх не отпускал детенышей от озера. Голод гнал их от него.

«ПРОЩАЙ ОЗЕРО!»

Вдруг озеро начало мелеть. Там, в земной коре, глубоко под дном озера, что-то произошло. Вода начала уходить из озера. Оно мелело с необычайной скоростью, берега все дальше отступали от трясины. С каждым днем, с каждым часом озеро становилось все мельче и мельче.

Наконец озеро так обмелело, что взрослые бронтозавры его покинули. Молодым бронтозаврам теперь было доступно все озеро—они могли свободно бродить даже по его середине. Еды было много, и они ели, ели, ели. Они так наедались, что нередко уже среди дня едва могли ходить. Их животы низко провисали между толстевшими с каждым днем ногами, спины округлились, а бока выпятились. Исчезли складки кожи—она была туго натянута слоем подкожного жира.

Еды было много. Но озеро продолжало мелеть.

С каждым кругом луны по небу, с каждым кругом солнца, оно мелело. Оно покрылось множеством островков и отмелей, оно превратилось в ряд больших луж.

Несколько мелких луж, вода которых не закрывала бронтозаврам живота,—вот все, что осталось от озера.

Начался голод.

Водяные растения быстро гибли, только совсем небольшие водоросли могли жить и расти в таких лужах. Но и они исчезали с каждым днем — солнце выпивало воду, и водоросли бурели, сохли и превращались в тонкий слой буроватого войлока на дне высохших луж.

Голод гнал детенышей с озера. Страх удерживал их на месте, но в конце концов голод перешибил страх.

Детеныши ушли с озера.

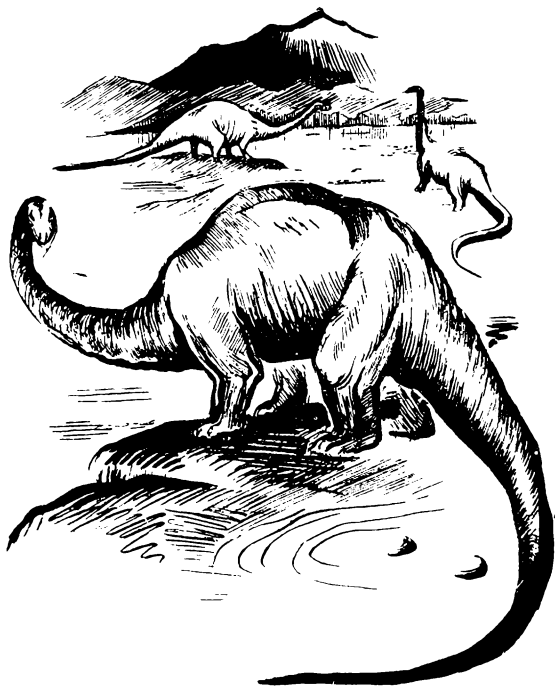
Топь, по которой несколько лет назад бродили детеныши, исчезла, исчезли лужи, мох высох, и голые кочки торчали между ям и рытвин.

Впереди показались отдельные высокие цикадеи. Прямые, покрытые словно войлоком стволы несли наверху венцы длинных перистых листьев. Молодые ветви высоко поднимались в небо; старые бессильно свисали вдоль стволов, а иные валялись на земле и гнили.

НОЧЬ БЕЗ ОДЕЯЛА

Солице спускалось все ниже. Бронтозавры забеспокоились. Они привыкли проводить ночь в воде, закутавшись в нее по ноздри, как человек кутается в холодные ночи в одеяло. Теперь «одеяла» не было.

Беспокойство росло. Они вытягивали шеи и озирались по сторонам. Они подставляли ветру то один бок, то другой. То брели вперед, то поворачивали назад. То толклись на месте, обходя

группу цикадей, то шли прямо, не сворачивая ни на шаг в сторону. Они искали.

Вода, озеро— вот, чего нехватало бронтозаврам.

А солнце опускалось и опускалось, заканчивая свой дневной круг. Впереди — круг луны...

Прохладнее и прохладнее становилось в воздухе, длиннее и длиннее ложились тени от деревьев.

Темнота несла с собой—страх. Прохлада несла с собой—оцепенение.

Бронтозавры шли меж деревьев, но теперь их походка была медленнее. Они часто останавливались, как бы засыпая на месте. Потом—толчок, и животное подвигалось вперед. Победит оцепенение, победит прохлада—они замрут на месте. Потом напоминал о себе страх, и они делали десяток-другой шагов.

Борьба была неравной.

Все реже становились толчки страха, все чаще бронтозавры останавливались. Все короче и короче становились промежутки между остановками.

Наконец, бронтозавры остановились и больше уже не сдвинулись с места.

Это случилось на опушке небольшой рощи, в которой перемешались колючие ветви араукарий с плакучими ветвями гингко, а перистые цикадеи чередовались с древовидными папоротниками. Свисавшие почти до самой земли тонкие ветви гингко образовали настоящую палатку. Под сквозным навесом листвы было темней, но теплее. Лес еще дышал накопленным за день теплом, и из него чуть тянуло теплым ветерком.

Солнце скрылось. Тени побледнели и растаяли. Красный закат чуть горел вдали, но под наве-

сом ветвей было уже совсем темно. С равнины потянуло прохладой.

Бронтозавры сбились в кучу. Чуть заметное облачко пара поднялось над их головами. Глаза закрылись, длинные шеи легли на спины. Донесшийся издали рев заставил бронтозавров на миг приоткрыть глаза. У них уже не было сил подняться, вытянуть шеи, окинуть взглядом окрестность. Они не могли бежать, не могли идти.

Победило оцепенение. Прохлада ночи была сильнее страха.

ОХОТНИК УТРЕННЕЙ ЗАРИ

Когда на утренней заре мегалозавр вышел на охоту, он вскоре встретился с грудой оцепеневших тел. Он жил в этом лесу, этот лес и соседние рощи и луга были местами его охотничьих приключений. Мегалозавр заметил странную грудку под ветвями гингко и тотчас же запрыгал к ней. Его скачки—уродливые и громкие—будили лес. Хриплое дыхание смешалось с шорохом ветвей и листьев, хвост прижимал траву, и она, выпрямляясь, шелестела. Но никто не слышал прыжков, шелеста травы и шороха ветвей и листьев: оцепенелые бронтозавры еще не успели отогреться.

Мегалозавр на несколько мгновений остановился перед навесом ветвей.

Его обоняние было очень слабо, и он не мог различить запаха бронтозавров. Его зрение было

остро, но — мегалозавр привык к тому, что добыча шевелится, двигается. А здесь — темные лоснившиеся груды были неподвижны. Что-то знакомое было в цвете кожи бронтозавров, что-то давно известное напоминали темные груды. Но воспоминания были так смутны и неясны. К тому же — и это главное — груды были неподвижны.

Неподвижность смутила мегалозавра.

Вместо того чтобы быстрыми прыжками броситься на добычу, — как он делал обычно, — мегалозавр медленно и осторожно подобрался к завесе ветвей и листьев. Приподнявшись на задние лапы, он вытянул вперед голову и пристально поглядел на груды темных тел.

Бронтозавры не шевелились. Солнце еще не прогрело воздуха, роса крупными каплями лежала на траве.

Мегалозавр смотрел. Он чуть заметными шажками подвигался все ближе и ближе к бронтозаврам. Они и манили его и смущали. Манили знакомым цветом и очертаниями, смущали неподвижностью.

Долго приглядывался к бронтозаврам хищник. Потом нерешительно повернул и запрыгал в сторону.

КАК ИХ РАЗБУДИЛИ

Лучи солнца проникли наконец и под ветви гинкго. Солнечные пятна кружевом легли на темные спины и бока. Бронтозавры начали отогреваться.

Мегалозавр прыгал по опушке, поглядывая по сторонам. Один из бронтозавров пошевелился. Мегалозавр насторожился, взглянул и уже не спускал глаз с темной груди.

Солнце катилось по небу, забираясь все выше и выше. Розовые облака постепенно белели, а побелев — исчезали в синеве неба. Роса высохла, туман рассеялся. Воздух теплел с каждой минутой.

Бронтозавр зашевелился, переступил ногами...

Мегалозавр бросился вперед. Прыжок, и он врезался в середину темной груди. Сильные короткие лапы охватили шею бронтозавра, острые клыки впились в горло.

Груда рассыпалась, перемешались громоздкие тела, переплелись длинные шеи, перепутались хвосты. Бронтозавры сбросили с себя оцепенение — толчок страха был слишком силен. В паническом ужасе громоздкие тела заворочались на влажной земле. Они пытались приподняться, сбивали друг друга с ног, наступали один другому на хвост.

Мегалозавр не обращал внимания на ворочавшихся вокруг него бронтозавров, а продолжал грызть горло добыче. И только когда перегрызанная шея вдруг исчезла — передняя часть ее просто упала на землю, и зубы мегалозавра куснули воздух, — он оторвался от добычи и оглянулся.

Бронтозавры с треском и грохотом ломились сквозь лесную чащу. Они проложили широкую

дорогу среди зарослей, и эта дорога издали показывала направление, в котором ушла добыча. Мегалозавру незачем было их преследовать перед ним лежала большая туша, целая гора свежего мяса. И он принялся за еду.

Солнце катилось по небу все дальше и дальше. Оно осветило бронтозавров, безостановочно шедших через заросли. Они были так напуганы неожиданным нападением, что даже на ходу не срывали ветвей или травы, но шли, шли и шли. Вытянув вперед шеи, ломились напрямки через заросли, сметая в стороны кусты и молодые деревья, натыкались на старые толстые деревья, обдирая об их жесткую кору бока и грудь, царапали хвосты об острые края пней, и—шли, шли, шли.

Там, позади, остался страшный враг. Инстинкт кричал теперь: «Вода—спасенье!» Они шли и искали эту воду. Воды не было.

Солнце докатилось до зенита. Уже много часов шли бронтозавры. Голод все сильнее и сильнее мучил их. Они начали понемногу замедлять шаги, останавливаться, срывать то ветку, то кустик травы. Они жевали еще на ходу, но с каждым шагом шли все медленнее и скоро остановились совсем.

В ЛЕСУ

Косые лучи солнца побежали по лесу.

Среди узких и длинных теней деревьев легла короткая тень. Это была тень мегалозавра.

Он догнал по следам ушедших бронтозавров. Его инстинкт хищника требовал еще добычи, мегалозавр не мог уйти, отказавшись от охоты. Он был сыт, но разве охотник бьет дичь только из-за голода? Охотничьи инстинкты заставили мегалозавра преследовать бронтозавров. Ему нетрудно было найти их след, нетрудно было мчаться большими прыжками по широкой дороге, проложенной громоздкими ящерами в лесной чаще.

Он догнал бронтозавров.

Раздался громкий рев, треск сучьев и ветвей. Тени запрыгали, перемешались.

Мегалозавр прыгнул...

В момент прыжка ему под ногу подвернулся обломок ствола. Хищник поскользнулся и хотя и прыгнул, но не туда, куда хотел.

Вместо одного бронтозавра он наскочил на другого. Он прыгнул ему не на спину, не на бок, а на — хвост.

Раскрытая пасть закрылась, клыки лязгнули, впились. Но только кончик хвоста остался в страшных челюстях.

Раненый бронтозавр взмахнул хвостом, ударил им мегалозавра по голове, попал ему по глазам. Хищник на миг зажмурился...

Когда мегалозавр открыл глаза, он увидел впереди нескольких уходивших бронтозавров. Яростно заревев, он прыгнул и сбил одного из них...

Раненый бронтозавр ломился сквозь чашу.

Боль в хвосте так подгоняла его, что он ни на миг не остановился, чтобы передохнуть. Он прошел без остановки весь лес, прошел заросли папоротников и хвощей, прошел низкорослые кустарники и вышел на большую равнину.

Далеко впереди виднелись темные зубцы. До них—равнина, однообразная и унылая, поросшая редкой травой и низенькими кустиками папоротников, жестких и побуревших. Направо темные зубцы незаметно переходили в полосу леса. На лево они тянулись вдаль и скрывались на горизонте.

Бронтозавр пошел по равнине. Вскоре он остановился, оглянулся. Позади никого не было.. Из лесу не доносилось ни звука. И все же... Бронтозавр зашагал вперед.

Он шел все дальше и дальше от леса, вглубь равнины, к тем темным зубцам, что виднелись далеко на горизонте. Шел потому, что оттуда временами налетал легкий ветерок, в котором чувствовалось дыхание влаги.

У. КРЫЛАТЫЙ ЯЩЕР

КУЧА ЛОХМОТЬЕВ

Там, где кончался лес, громоздились буро-желтые скалы. Их острые зубцы врезались в небо, а глубокие ущелья и пропасти были черны и из них несло холодом.

На уступах скал виднелись неподвижные тем-

ные массы. Они казались большими кучами лохмотьев.

Солнце сверкало на утесах, пробегало по кучам лохмотьев, и в этих кучах что-то играло и переливалось всеми цветами радуги. Но стоило набежать облаку и скрыть солнце, как куча становилась мертвой и тусклой, грязной и чуть заметной на серо-буrom фоне уступа.

Одна из куч вдруг зашевелилась. Она сделалась ниже и шире, потом приподнялась и поползла. Она не была теперь темной и мрачной, а стала яркой и пестрой.

Птеродактиль медленно пополз по скале, цепляясь за нее когтистыми пальцами. Он выбрасывал далеко вперед передние ноги, цеплялся когтями за трещинки и уступы и подтягивал вперед свое тело, окутанное, словно плащом, огромной кожистой перепонкой.

Он медленно всполз на уступ, сел здесь и, высоко приподнявшись, вытянул шею. Большая голова с ярко-красным гребнем и длинными челюстями, похожими на чудовищный клюв, повернулась в сторону моря. В полураскрытой пасти виднелось множество длинных и острых зубов словно зубья большой пилы. Маленькие глазки тускло смотрели вдаль.

Далеко позади тянулась равнина, кое-где поросшая папоротниками. На самом горизонте мутно переливался туман—там было большое болото. Впереди сверкали и шумели волны моря. Ничего

живого не было видно, ни один крик не нарушал тишины, ни одно движение не привлекало взгляда. Кругом было мертво и пустынно. Так, по крайней мере, казалось.

Приподняв голову и широко раскрыв пасть, крылатый ящер издал громкий скрипучий звук. И словно в ответ на этот зов, зашевелилась еще одна куча лохмотьев. Вскоре на соседнем уступе показалась фигура второго ящера. Раскрыв пасть, он глядел на первого.

Оба ящера неподвижно сидели на скалах. Они смотрели друг на друга, то закрывая, то раскрывая пасти, и грелись в лучах солнца. И чем дольше грелись ящеры, тем ярче сверкали их глаза, тем чаще раскрывались и закрывались пасти, и тем чаще из этих пастей вырывались скрипучие звуки.

Крик, другой—и кожистые перепонки расправились. Они засверкали всеми цветами радуги; тут смешались красный и синий цвета, зеленые и оранжевые полосы, желтые и черные пятна. Перепонки были очень пестры, и когда, взмахнув ими, ящер поднялся, то казалось, что летит сказочный ковер-самолет, расшитый ярким рисунком.

Ящер был очень велик—между его крыльями было не меньше трех метров. Поднявшись над скалой, он взмахнул перепонками и плавно полетел вдаль.

Птеродактиль летел очень легко, так легко, как будто он не был очень большим животным. И действительно, он был очень легок. При своих чудовищных размерах он весил всего несколько килограммов. Его кости были пусты внутри, а стенки этих костей-трубок были так тонки, словно их сделали из папиросной бумаги. Скелет этого гиганта весил чуть больше скелета ястреба.

Второй птеродактиль неподвижно сидел на утесе. Он следил за первым, и когда тот, сделав поворот, понесся над морем, повернул голову, как бы не желая выпускать из поля зрения летавшего ящера.

Птеродактиль летел над морем. Он медленно махал крыльями и несся над водой словно какой-то странный летательный аппарат.

Мизинец его передних ног был вытянут в длинную и тонкую кость. И от этой кости шла перепонка, тянувшаяся вдоль всего бока ящера и переходившая на задние ноги. Остальные пальцы передних ног были свободны, свободны были и пальцы задних ног. Бесхвостое туловище придавало ему сходство с летучей мышью.

Новый крик донесся с моря, и оставшийся на скале ящер приподнялся, взмахнул крыльями-перепонками и полетел. Теперь над морем сверкали в солнечных лучах два ящера.

Сверху хорошо было видно, как в морской воде проплывали рыбы, как сверкала серебристая че-

шуя, когда рыба делала резкий поворот, как мелькали темные спинки. Ящер зорко присматривался к воде, паря над самыми волнами. Он летал так низко, что волны обдавали его брызгами.

Долго кружились над волнами птеродактили. Их тени прыгали по воде и спугивали рыб, быстро уходивших в глубину.

Вот один из них ринулся книзу, схватил рыбу и взмыл над волнами. И сейчас же второй ящер, быстро замахав перепонками, подлетел к нему, раскрыл пасть и издал громкий крик. Этот крик не был приветствием, не был поздравлением с удачной охотой. Услышав его, птеродактиль кинулся в сторону, плотнее сжал челюсти и быстрее замахал перепонками. Крик был сигналом нападения. Это было требование «Отдай!»

ГРАБИТЕЛЬ

Счастливый рыболов изо всех сил спешил к берегу. Он с такой быстротой махал перепонками, что они слились в одно сплошное серое пятно. Пойманную рыбу он крепко зажал в челюстях, и отдельные чешуйки ее падали вниз, кружась и сверкая, словно капельки жемчужного дождя.

В нескольких метрах от рыболова неся преследователь. Он не сжимал челюстей — они были пусты. Его пасть была широко раскрыта, и из нее вырывались скрипучие звуки.

«Отдай! Отдай!»

И всякий раз, как раздавался крик, еще силь-

нее махал перепонками рыболов. Еще крепче он сжимал челюсти, и новый дождь жемчужинок сверкал на солнце и исчезал в пенистых волнах.

Берег смутно вырисовывался вдали, когда грабитель нагнал рыболова.

Он напал на него сзади, ударил на лету, не удержался и тяжело перевернулся в воздухе. Чуть коснувшись воды, он выровнялся и снова взмыл кверху. Но рыболов уже успел улететь вперед и теперь летел еще быстрее. Вид ускользавшей добычи разгорячил грабителя. Он громко вскрикнул, с удвоенной силой замахал перепонками, и не успел рыболов опомниться, как новый удар показал ему, что враг рядом.

Тяжело обернувшись, ящер на лету ткнул врага сжатыми челюстями. Тот увернулся от удара, метнулся в сторону, залетел вперед. Рыболов поднялся кверху, но грабитель не отставал и упорно держался между ним и берегом.

воздушный бой

Они кружились один возле другого, то поднимаясь, то опускаясь почти к самым гребням волн. Но все время между рыболовом и берегом был грабитель. Рыба, зажата в челюстях, не позволяла рыболову пустить в ход это страшное оружие. Он мог только увертываться и пытаться оттолкнуть врага сжатыми челюстями.

Челюсти врага были свободны, и он наносил удар за ударом. Он не мог подлететь к против-

нику вплотную—мешали паруса перепонки. В этом было некоторое спасение для ящера-рыболова: страшные удары челюстей врага не достигали его тела, они только рвали края перепонок. Прошло с четверть часа, и перепонки ящера превратились по краям в вырезанную причудливыми фестонами бахрому. Но рыболов не сдавался, и хоть лететь становилось все труднее, попрежнему крепко сжимал челюсти и старался прорваться к берегу.

Над морем раздавались громкие крики борьбы. Эти крики донеслись до скал. И скоро над скалами поднялся еще один птеродактиль.

Теперь ящер-рыболов должен был увертываться от ударов, посыпавшихся сразу с двух сторон,—прилетевший ящер присоединился к нападавшему. Один из ящеров поднялся над рыболовом и ударил его в спину, другой, в это же время, ударил его сбоку. Рыболов перевернулся и начал медленно спускаться на воду. Кружась, он падал вниз, а один из ящеров летал вокруг него и пытался вырвать рыбу из крепко сжатых челюстей побежденного рыболова.

Челюсти разжались. Не успела рыба упасть, как ее подхватил враг.

Другой ящер не сразу заметил пропажу рыбы и продолжал налетать на падавшего рыболова, ударяя его челюстями. Но едва он увидел, что к берегу летит ящер с рыбой, как резко вскрикнул и пустился в погоню.

Ящер-рыболов падал все ниже и ниже. Он не

мог уже управлять перепонками, они обвисли по бокам его тела. Ящер не коснулся воды — из волн на миг показалась небольшая голова на длинной шее, сверкнули зубы, и ящер исчез.

«МОЯ РЫБА!»

Берег был совсем близко. Еще десяток взмахов, и грабитель опустился на скалу. Но не успел он положить на нее рыбу, как второй ящер догнал его.

Вытянув шею, подняв голову и скрежеща челюстями, ящер пытался отстоять добычу. Его маленькие глазки налились кровью и ярко сверкали зеленым огнем. Красный гребень, словно шлем, прикрывавший голову, стал еще краснее. Голая складчатая шея раздулась.

Грабитель прикрыл рыбу перепонками и, выставляя навстречу врагу челюсти, не подпускал его к себе. Нападавший, не рассчитав удара, опустился слишком низко. И тотчас же — распластался на скале: сильный удар в голову сшиб его. Он не мог взлететь, но борьбы не оставил. Ползком, кое-как цепляясь за трещины и уступы, он приближался к ящеру, торопливо рвавшему рыбу на части.

Они схватились на скале. Страшные челюсти — теперь свободные — громко стучали, сверкали длинные зубы, змеиное шипение вырывалось из широко раскрытых пастей. Длинные шеи извивались, увертываясь от зубов противника, — каж-

дый из ящеров старался перегрызть шею врага.

Из разорванной кожи разбойника вытекали крупные капли темной крови. Он хрипел и задыхался, его когти судорожно цеплялись за скалу, а ~~з~~ла из перепонки, смятая и разорванная, волшилась по скале. Длинная кость, поддерживавшая ее, была перебита сильным ударом челюстей, и конец этой кости торчал наружу, цеплялся за перепонку, рвал ее на разноцветные клочья.

Удар в голову... Ящер подогнув шею, свалился на бок. Его пасть широко раскрылась, глаза закатились и чуть мерцали. Пальцы задних ног впились в трещину скалы, а передние—царапали камень.

Последний удар...

Побежденный ящер затих. Только шея чуть вздрагивала, да дергалась задняя нога.

Победитель доел рыбу, расправил перепонки, сильно потрепанные в борьбе, потянулся и медленно пополз со скалы. Он спустился в расщелину, добрался до уступа, ярко освещенного солнцем, и, закутавшись в широкий плащ перепонки, затих. Он был утомлен борьбой и был сыт. Оставалось одно—греться на солнце и дремать.

«КУДА Я ПОПАЛ?»

В то время, как птеродактили сражались из-за рыбы, бронтозавр-детеныш шел через поросшую папоротниками равнину. Он никак не мог остано-

виться—мегалозавр, так напугавший его, словно мерещился ему там, назади. И он спешил все вперед и вперед. Казалось, он хотел убежать как можно дальше от страшного ящера-хищника.

Скоро впереди показались утесы. Они громоздились на горизонте, закрывая собой небо. Здесь бронтозавр никогда еще не был. Он никогда не видал утесов. Издали они походили на лес—темная зубчатая полоса. Но чем ближе подходил бронтозавр к этому «лесу», тем резче вырисовывались пики и зубцы скал. Влажный ветерок подул ему навстречу, но он не принес с собой запаха преющей листвы и гнили. Ветер нес с собой запах—моря.

Все же бронтозавр не остановился. Влажный ветер—признак болота, озера. И он пошел навстречу этому ветру, несшему такой странный запах.

Птеродактили давно заметили неуклюжее животное, медленно продвигавшееся по равнине. Хорошие летуны, они мало боялись врагов,—кто мог догнать их в воздухе? Даже сам мегалозавр не смог бы справиться с ними. Но все же—они насторожились. Недавняя драка сильно раздражила их, они и теперь еще то и дело угрожающе щелкали челюстями и шипели друг на друга. Дралось только двое, но раздражены были все: много птеродактилей было свидетелями драки, и если они не приняли в ней участия, то только потому,

что драка кончилась слишком скоро. Но возбуждение, вызванное видом драки и запахом крови, не улеглось.

Бронтозавр подошел к скалам. Идя вдоль их гребня, он то и дело высоко вытягивал шею и, задирая кверху голову, старался заглянуть за скалы, точно так же как он глядел через кусты в зарослях.

Эти движения раздражили птеродактилей. В голове бронтозавра они видели скрытую угрозу. В длинной шее его было странное сходство с исконным врагом птеродактилей. Этот страшный враг скрывался в морской глубине, они никогда не видели его целиком и знали только его длинную шею с маленькой головой на конце. Эта голова вдруг высывалась из морских волн, пасть раскрывалась, хватала зазевавшегося птеродактиля и утаскивала его в воду.

Испуг, вызванный таким сходством, быстро прошел ведь шея высывалась не из воды. Но вместо испуга появилось раздражение, а раздражение перешло в ярость.

Один за другим снялись со скал и утесов летающие ящеры и закружились над бронтозавром. Тот от неожиданности замер на месте—появление в воздухе странных существ сильно его смутило. Но вскоре он успокоился—криков не было, ящеры летали молча. А только крики и боль могли вывести бронтозавра из состояния того невозмутимого спокойствия, в котором он обычно находил-

ся. Бронтозавр пошел вперед, продолжая вытягивать шею и заглядывать через вершины утесов.

НОВЫЕ ВРАГИ

На одной из невысоких скал был уступ. На нем сидело несколько детенышей птеродактилей. Они уже умели кое-как летать, но делали это очень неуклюже, а потому и проводили большую часть своего времени на скале. Уступ был невысоко над землей, и бронтозавр, вытянув шею, достал до него головой и ткнулся мордой в птеродактиля, дремавшего под своими перепонками.

Птеродактиль резко вскрикнул.

И тотчас же воздух наполнился резкими звуками и скрежетом челюстей. Словно сотни ржавых петель закричали над скалами, словно тысячи пил врезались в сталь. Туча птеродактилей взвилась над утесами. Разъяренные криками, раздраженные беспрестанным мельканием соседей, толчками и ударами перепонки, они свирепели с каждой минутой. Крики становились все громче. Тут и там поднялись драки между столкнувшимися в воздухе ящерами.

Бронтозавр остановился. Он вытянул было шею вперед, но сейчас же пригнул ее к самой земле, так что кончик его носа уперся в камни: резкий удар показал ему, что кругом—враги. Бронтозавр не пытался бежать, словно знал, что ему не спастись бегством от подвижных летунов. Он замер протянув шею к земле. Спрятать голову и ране-

ный хвост он не мог, и на них посыпались удар за ударом.

Хвост взметнулся, сшиб птеродактиля. С широко раскрытой пастью, тот бился на земле — одно из крыльев было разбито, летать ящер уже не мог.

И тут же на упавшего наскочили несколько ящеров и принялись рвать его острыми зубами.

Для птеродактилей не было своих и чужих. Все слабое — добыча. Ящер на земле, ящер с разбитыми перепонками, ящер, не имеющий возможности защищаться — добыча. И они дрались над еще живым куском мяса, дрались ожесточенно и свирепо. И вскоре еще несколько птеродактилей корчились на земле, ползали, волоча за собой лохмотья перепонки, лежали на боку, раненые, умирающие, но свирепые и хищные. А над ними шла борьба за новые и новые куски мяса.

Бронтозавр продолжал размахивать хвостом. Боль сильно раздражила его, и он утратил свое спокойствие. Он даже перестал бояться, так разозлился. Он бил хвостом, как тяжелым цепом, и сметал им ящеров с земли, расшвыривал раненых далеко в стороны, сбил еще несколько летавших ящеров на землю. Это разогнало врагов — куски мяса, из-за которых сражались птеродактили, оказались разбросанными. Враги рассеялись по равнине. Но бронтозавр не спасся этим от ящеров — многие продолжали кружиться около него, шипеть и скрипеть, рвать его шкуру, бока, спину.

ЧЕГО ОНИ ИСПУГАЛИСЬ?

Толстая кожа бронтозавра не выдержала ударов острых челюстей, не выдержала укусов страшных зубов. Местами, на коже, просеченной зубами, выступила кровь. Кровь раздражала ящеров, они свирепели и бились уже не из-за мяса, а из-за этих капель темной, чуть теплой крови.

Бронтозавр попытался отступить. Он сделал несколько шагов, вытянул шею и раскрыл пасть. Но не его пасти было испугать зубастых врагов—они набросились на его голову, и удар за ударом посыпались на бронтозавра. Взмах хвоста сбил еще несколько врагов, но один из птеродактилей успел ударить бронтозавра в глаз. Глаз заплыл, закрылся. Огромный кровавый волдырь вскочил на месте удара.

Тогда бронтозавр поднял голову и вдруг оглушительно заревел. Первый раз за все время драки он заревел, и его голос показался громовым по сравнению с резкими криками птеродактилей. Крылатые ящеры отступили оглушенные, они растерялись и на миг прекратили нападение.

Момент был благоприятный. Бронтозавр не знал военного искусства, он никогда еще не сражался с таким множеством врагов сразу. Но он не упустил этого момента — повернулся и быстро зашагал по той равнине, откуда только что пришел, спасаясь от мегалозавра.

Птеродактили погнались за ним — их оцепенение быстро прошло. Но эта погоня длилась не-

долго. От скал неслись громкие крики. Они означали, что над валявшимися на земле живыми и полуживыми ящерами снова началась драка.

Преследователи повернули назад и ввязались в общую свалку.

Бронтозавр шел по равнине. Капли крови застывали одна за другой на его израненной спине, глаз ничего не видел—он был закрыт кровавым желваком. Хвост был сильно изранен, а конец его, уже обкусанный мегалозавром, превратился в сплошные лохмотья.

С этого дня бронтозавр никогда не подходил близко к скалам. А если он издали слышал крики птеродактилей, то тотчас же испуганно озирался и готовился к бегству.

VI. ВУЛКАН

ОЗЕРО БЛИЗ ГОРЫ

Далеко, на горизонте, поднялась и выросла большая гора. Она тупо врезалась в небо, а над ее вершиной висело темное облако. Ветер изменился—он приносил с собой теперь какой-то странный запах. Но вместе с тем он становился все более и более влажным. Это гнало бронтозавра вперед, это отвлекало его внимание от страшного запаха ветра.

Бронтозавр не знал, что это запах серы. На горизонте поднимался вулкан, и к нему-то и шел

бронтозавр в поисках воды, в поисках безопасного места.

Чаще и чаще встречались небольшие болотца, больше и больше влаги нес ветер. Гуще и гуще ложился по вечерам туман над равниной.

Вода близка...

Вечером бронтозавр услышал далекий ржавый скрип. Этот скрип говорил озеро близко, а на озере – бронтозавры.

На следующий день, пройдя несколько тысяч шагов, сквозь хвощи и папоротники он увидел блестящую поверхность воды. Скоро под ногами задрожала трясина, ноги зачмокали, вырываясь из вязкой почвы, а растения стали сочными и нежными.

Скрипучий крик раздался над озером, понесся по зарослям...

Бронтозавр стоял на берегу, готовился войти в воду и громко скрипел. С озера донесся ответ. Этот ответ бронтозавр слышал много раз давно, в детстве, во время своих странствований, всегда, когда встречался с бронтозаврами. Это было нечто вроде приветов, которым обменивались громоздкие ящеры.

Плеснулись волны. Бронтозавр вошел в озеро.
«Вода спасенье!»

Теперь он мог не бояться мегалозавра. С наступлением ночи бронтозавр ушел в воду и, высунув наружу только голову, погрузился в привычное оцепенение.

Озеро кормило и защищало бронтозавра. Резкий запах серы его не беспокоил — он успел привыкнуть к нему. Не беспокоил он и других бронтозавров, не беспокоил игуанодонтов и стегозавров, приходивших к озеру на водопой. Все они выросли на этом озере и в его окрестностях, и для них запах серы был так же привычен, как запах тины, ила и водорослей.

Бронтозавр много ел и быстро поправлялся. Исчезли складки кожи на боках, спина стала гладкой, живот округлился, ноги потолстели, шея снова стала круглой. Он быстро рос, словно наверстывая потерянное время.

А вулкан дымился все сильнее и сильнее. По ночам над ним повисала багровая туча, и тогда красные отблески играли на воде озера. Иногда раздавалось глухое рокотанье, вулкан словно пробовал свои силы. Тогда бронтозавры настораживались. Они не знали врага, который рокотал бы таким густым голосом, но — звук был силен. Значит, враг был опасен. Но сколько бронтозавры ни вытягивали шеи, сколько ни вертели головами — ни разу не увидели они этого незнакомого рокочущего врага.

Катастрофа разразилась в одно солнечное утро.

Бронтозавр приподнял голову над водой — со дна он достал пучок сочных водорослей. В этот миг раздался грохот, и не успел ящер повернуть головы, как рядом с ним в воду что-то упало.

Резкое шипенье, столб пара...

Бронтозавр вздрогнул, выршил водоросли, покачнулся и чуть не упал. Он с недоумением поглядел на то место, откуда послышалось шипенье. Там ничего не было — только круги разбегались по воде, облачко пара таяло в воздухе, да запах серы стал сильнее.

Новый грохот, и на озере сразу в нескольких местах взметнулись столбы пара...

Вулкан грохотал...

Впережку с глухим грохотом раздавались оглушительные взрывы, свист, шипенье. По воде вперегонку бежали круги.

Бронтозавры вытянули шеи, огляделись и снова опустили головы — врагов не было ни на берегу, ни на воде.

Камни вылетали из вулкана и падали в озеро. Они вылетали то поодиночке, то сразу десятками. Взлетев высоко-высоко, они на миг скрывались в черной туче, окутавшей вершину вулкана, а потом сыпались вниз, на склоны вулкана, на заросли, на воду.

Один из камней упал в воду у самой головы бронтозавра. Он упал так близко, что пар обжег бронтозавру нос и щеку. Врага не было видно, но боль была сильна. Бронтозавр шевельнулся, переступил ногами и, разметывая хвостом ил и заросли подводных растений, двинулся прочь от странного места и еще более странного врага.

Камни падали всюду. Незримые враги шипели в воде, кусали, жалили...

Огромный камень упал бронтозавру на спину. Камень был очень велик и весил не меньше тонны. Тело гиганта качнулось от удара, осело, повалилось на бок. Столб пара смешался с брызгами, поднятыми упавшим бронтозавром.

Ящер тяжело заворочался на дне, высовывая из воды голову, бил хвостом, поднял весь ил со дна, и вода стала коричневой и густой, как кисель.

Бронтозавры всполошились. Они с такой поспешностью бросились в сторону от упавшего, что на озере поднялась настоящая буря.

А камни падали, шипели, свистели, обдавали бронтозавров то каскадами брызг, то струями горячего пара...

Еще один бронтозавр заметался и упал, сшибленный с ног раскаленным обломком скалы...

Стадо двинулось к дальнему берегу. Берег у подошвы вулкана был ближе, но там камни сыпались, не переставая. Бронтозавры вышли на середину озера. Здесь было глубоко, и, подняв шеи, они едва-едва удерживали головы над водой. Камни падали и тут. Стадо медленно двинулось вперед, направляясь к далекой суше.

Над вулканом низко нависла черная туча. Из этой тучи несся грохот, словно тысячи мегалозав-

ров ревели сразу. Над озером стояли столбы пара. В озеро падало столько камней, что не успевал столб пара растаять, как на его месте поднимался новый.

Почва заметно дрожала. Дно озера уходило из-под ног бронтозавров, и даже им—таким большим и тяжелым—трудно было удерживаться на ногах. У берега почва дрожала еще сильнее, трясина словно вырывалась из-под ног.

По берегу озера промчалось стадо игуанодонтов. Они мчались, делая огромные прыжки и ни на миг не останавливаясь. Они спешили на равнину, подальше от озера, вулкана и черной тучи, осыпавшей их раскаленным пеплом и камнями.

Трясина не задержала их. Падая, спотыкаясь и громко хрипя, они миновали ее и скоро исчезли за зарослями низкорослых папортников.

Рыбы плескались у берегов. То тут, то там они выбрасывались на берег, подпрыгивали и бились в траве, сваливались обратно в воду и через несколько минут снова выплескивались на берег. Саламандры вылезли из воды и черепахи покинули свои заросли.

Вода в озере кипела и бурлила. Озеро было похоже теперь на огромный котел, в этот котел падали камни, а поверхность воды тонким слоем затягивал пепел, который волны тут же сбивали в полосы, несли к берегу и оставляли там, словно слой грязной пены.

БЕГСТВО

Пустынная равнина наполнилась животными. Из трясины и прибрежных зарослей, с озера и из рощ и лесов, росших по склонам вулкана, бежали на равнину все обитатели этих мест.

Прыгали игуанодонты, большие и маленькис. Они сшибали друг друга, катились по траве, перепутывались в живой клубок, распутывались, поднимались и, оттолкнувшись от земли хвостом, снова прыгали. Прыгали до тех пор, пока опять не падали, 'столкнувшись то в воздухе, то на земле с соседом.

Быстрой рысцей, наклонив головы к самой траве, словно разнюхивая путь, бежали стегозавры. Их высокие гребни торчали над травой и кустарниками, а шиповатые хвосты били по зарослям, обламывая ветки и сшибая листья. Маленькие головы, оканчивавшиеся не пастью, а чем-то вроде клюва, упорно глядели вниз. Неве- роятные обжоры, стегозавры забыли теперь об еде и даже на ходу не пытались схватить пучок травы или покрытую молодыми листьями и душистыми почками ветку кустарника.

Небольшие динозавры бежали, словно стадо перепуганных овец. Они не смотрели себе под ноги и бежали напрямки, натываясь на кусты, падая в рытвины и ямы, спотываясь о кочки и ломая себе ноги и даже спины. Жалобные крики висели над этим стадом, словно облако пыли.

Мегалозавры бежали в одиночку. То тут, то

там были видны их огромные тела, попеременно с игуанодонтами, динозаврами и стегозаврами. Они были так напуганы грохотом вулкана и так захвачены общим паническим бегством, что забыли об охоте. Кругом них кишела дичь, равнина была полна живым мясом, но мегалозавры не глядели на это мясо. Один из игуанодонтов наскочил на мегалозавра, сшиб его и сам упал рядом с ним. Хищник вскочил и помчался дальше, даже не взглянув на того, кто сшиб его на землю. Игуанодонт тоже не поглядел на мегалозавра—он так и не узнал, кого он сшиб.

Бронтозавры были слишком тяжелы для бега. Но и они ускоряли свой шаг, насколько было возможно. Вытянув шею, они быстро переступали массивными ногами. Их хвосты волочились сзади, и не один игуанодонт упал, наткнувшись на этот тяжелый и длинный хвост.

А под ногами всех этих гигантов кишели крохотные ящеры. Иные были величиной с собаку, иные — с кошку, но все они казались крошечными рядом с игуанодонтами, мегалозаврами и стегозаврами. Сравнить же их с бронтозаврами было бы так же странно, как сравнить трехэтажный дом со спичечной коробкой.

КОНЕЦ ОЗЕРА

Громовый удар прокатился над равниной. Земля задрожала, побежала из-под ног.

Животные замерли...

Там, далеко позади, раздалось шипенье. Огромное облако пара поднялось вверх и закрыло собой озеро, трясину и болото, скрыло самый вулкан.

Широким потоком поползла лава...

Она скатилась по склонам вулкана, сжигая на пути заросли саговников и араукарий, гингко и цикадей. Хвощи, словно соломинки, подхватывались раскаленным потоком и исчезали в нем. Саговники и гингко склоняли свои вершины, на миг замирали, потом вспыхивали ярким огнем. Некоторые из них горели стоя, словно факелы. Громко трещали охваченные пламенем смолистые араукарии.

Лава поползла до озера, смела по пути заросли хвоей...

Пар, оглушительный свист, шипенье, и—вода исчезла. На ее месте теперь пузырилась и дымилась лава, висели клубы пара и сернистых газов.

Озера больше не было. А лавовый поток рос и рос, поднимался все выше и выше. Озеро наполнялось лавой.

Не прошло и часа, а озеро было уже полно до краев. Потом лава начала выливаться из берегов, потекла, разлилась и ринулась на трясину. Трясина была залита в несколько минут. Последняя преграда была сметена—лава разлилась по равнине.

Горячий вихрь, несшийся впереди надвигающейся лавы, словно отряд разведчиков перед армией, обжигал кожу, жег глаза. Едкие газы несли с собой удушье. Маленькие динозавры один за другим падали на землю, корчились и умирали. Стегозавр чихал, и при каждом чиханьи громко звенели гребни на его спине, а шипы хвоста терлись друг о друга и шуршали, словно тысячи высоких бамбуков.

Давился от кашля мегалозавр, припав к земле; один за другим начали чихать и фыркать игуанодонты.

Газы стелились по земле. Бронтозаврам, при их росте и длинных шеях, они не были так страшны, как другим ящерам. Но у них сверлило в носках, и им ело глаза, и они дышали с все большим и большим трудом.

Меньшие животные по одиночке выбирались из облаков пара, дыма и газов; они качались, спотыкались и пытались уйти подальше, на равнину. Но тут же падали и оставались на месте. Сернистые газы сжигали им легкие, и тот, кто подышал ими несколько минут, был приговорен к смерти.

Громко топоча ногами, тронулись вперед бронтозавры. Они шли не останавливаясь, давя и сметая с пути и живых и мертвых игуанодонтов, стегозавров и мегалозавров. Они даже не замечали, когда под их ногами с хрипом и стонами умирали растоптанные ими динозавры. Они не слы-

шали, как хрустели раздавленные ими щиты огромных черепах.

Мегалозавр лежал обессиленный и скалил зубы. Он задыхался, и его ярость росла с каждой минутой. Он пытался встать и не мог. Это его раздражало, и он хватал зубами все, до чего мог дотянуться, лежа на боку. И когда около него опустилась нога бронтозавра, он повернулся и впился в нее страшными зазубренными клыками. Бронтозавр повернул в сторону, но не замедлил походки. Он рванул ногой и потащил за собой мегалозавра.

Бронтозавр шагал, а мегалозавр, судорожно сжавший челюсти, волочился за ним по земле. Обломанные стволы поросли царапали его боска, спина колотилась о камни и обломки, и боль приводила его в исступление. Он все крепче и крепче сжимал челюсти, словно рассчитывая, что это поможет ему избавиться от бесчисленных ударов, толчков и царапин.

Задняя нога бронтозавра наступила на хвост мегалозавру и придавила его к земле. Передняя нога поднялась... Мегалозавр не разжал челюстей. Нога шагнула... Тело мегалозавра вытянулось.

Передняя нога бронтозавра тащила его вперед, а задняя, придавившая хвост, не пускала. Мегалозавр вытягивался все сильнее и сильнее.

Всего несколько секунд прошло после того, как бронтозавр наступил хищнику на хвост.

Кожа на ноге бронтозавра была очень толста.

Даже зубы мегалозавра не могли прорезать ее. Мегалозавр был прикован к передней ноге бронтозавра своими сжатыми челюстями. Но его растягивало, и хвост не выдержал—оторвался у самого туловища.

Кровь залила траву и забрызгала ноги бронтозавра. Мегалозавр захрипел и разжал челюсти. Он упал меж ног бронтозавра, и тут же на него наступила задняя нога, вдавила в землю, смешала с ней. А потом по хищнику проволочся тяжелый хвост.

Когда бронтозавры прошли, на земле осталось несколько кучек грязи, от которых пахло мускусом и цвет которых был странно красен.

ОСТАЛСЯ ОДИН

Тучи затянули небо, солнце давно скрылось. Но вечерней прохлады не было. Жаром несло сзади, от потоков лавы, все дальше и дальше продвигавшейся по равнине.

Когда пришло время луны—бронтозавры не окоченели.

Им никогда еще не было так тепло днем, как в эту странную ночь, когда темнота светилась красным заревом, когда сзади грохотало и шипело, когда мрак ночи нес с собой не холод и сырость, а сухость и тепло.

Бронтозавры шли до тех пор, пока их не перестал подгонять запах серы и жар лавы. И только

тогда они почувствовали ночь, только тогда они встретились с кругом луны.

Холоднее и холоднее становилась кровь, медленнее и медленнее текла по сосудам. Медленнее становились и движения бронтозавров, и наконец они застыли на месте, окоченели на открытой равнине, не защищенные ничем.

Эту ночь они могли не бояться — врагам было не до них.

Луны не было — небо покрыли тучи. Но позади ярко светило зарево и красными отблесками пятнило спины бронтозавров.

Они простояли на месте недолго. Лава ползла вперед, неся с собой смерть и — тепло.

Бронтозавры очнулись, подняли головы, осмотрелись. В красном полумраке виднелась равнина, на западе ярко сверкали залитые лавой озеро и трясина. Жаром дышала равнина, и жар становился все сильнее и сильнее. Лава двигалась вперед. Снова сильно запахло серой, снова дышать стало трудно, снова поднялись ноги, ступили...

И снова — впереди бронтозавры, далеко позади — лава. Ящеры шли вперед, лава текла за ними...

Утром солнце тускло светило сквозь тучи дыма и паров. Этот тусклый свет придавал странный вид равнине, покрытой лавой. Лава сверху застыла, затянулась тонкой корочкой. Но то тут, то там корочка лопалась, и из нее били огненные ключи. Казалось, что лава дышет, смеется. А на самом

деле она остывала. Ключи были последним усилием, последней борьбой огня с холодом, последней встречей жидкого с твердым.

Корка становилась толще и толще. Но под этой коркой лава была жидкая и горячая. Вулкан не прекратил своей деятельности. И медленно, чуть заметно, лава продвигалась вперед, а из жерла вулкана лились и лились новые потоки, новые подкрепления огню и смерти.

Бронтозавры шли по равнине.

Теперь это было не все стадо, вышедшее с озера. Несколько бронтозавров погибло на равнине, а один отбился от стада. Это был тот самый, которого укусил за ногу мегалозавр. Вспыхнул страх перед хищником, снова как будто заболел раненый когда-то хвост, ему отозвалась прокушенная нога. Бронтозавр повернул в сторону и пошел один.

Он долго шел; потом, ночью, несколько часов простоял на месте, и снова в одиночку тронулся в путь, когда его согрел жар лавы. И теперь он шагал один по равнине, забирая все больше и больше к югу. Остальные бронтозавры пошли на восток.

VII. ГОЛОС ИНСТИНКТА

Р Е К А

Дальше и дальше от грохочущего вулкана, дальше от потоков лавы, несущих с собой смерть, дальше от клубов дыма и газа!

Игуанодонты и мегалозавры, бронтозавры и стегозавры, динозавры и другие животные бежали от вулкана. Кто на юг, кто на восток. На запад и на север не бежал никто. Оттуда шла — смерть.

Чем дальше отодвигался к западу вулкан, тем медленнее шли животные. И когда огненная туча слилась с ярко-багряным закатом, когда нельзя стало отличить зарева вулкана от пожара зари, когда запах серы исчез, а ночь снова повеяла прохладой, бегство кончилось. Жизнь взяла свое, и первыми это показали мегалозавры. Громкий рев, прыжок, и стегозавр беспомощно шевелил шипами хвоста, а хищник грыз ему горло, брызгая на траву свежей кровью.

Бегство кончилось... Кончилось перемирие между хищниками и дичью, кончилась совместная жизнь и ночевки бок о бок. Вернулось старое снова мир разделился на два отряда. Охотники и дичь. И снова стоны побежденного смешались с криками победителя...

Равнина привела бронтозавра к реке.

Река катила свои волны к морю, пробежав через леса и болота, рощи и равнины. В ее мутной воде смешались прозрачные воды ключей и родников, железистые источники пещер, ил болот и потоки дождевой воды. Тесными вереницами столпились деревья по берегам реки. Саговники и гингко, араукарии и цикадеи то склоняли свои ветви и листья над мутными струями, то поднимали их ввысь, дальше от воды, ближе к небу. Ку-

сты и папоротники купались в брызгах реки, а хвощи, словно не утерпев, влезли в самую воду, по широким и тихим затонам.

Река была быстра. Но чем дальше шел по ее берегам бронтозавр, чем чаще валялись под напором его тела хвощи, папоротники и цикадеи, тем медленнее и шире становилась река. Чаще и чаще встречались отмели. Заросли начали выбегать на воду, врезались в реку, разбивали своими стеблями мутные волны.

Еще день пути, и река разбилась на рукава, потерялась в зарослях и отмелях, островках и заливах. И вот — она исчезла. Сеть рукавов перемешалась, покрытая хвощами и болотными растениями, с заливами и болотами. Теперь река походила на большое подсыхающее озеро.

Бронтозавр огляделся. Он подошел к воде, глянул вперед, глянул на воду и закрипел.

Никто не отозвался...

Бронтозавр не привык ступать по твердому дну. Он привык к тому, чтобы ноги вязли в иле и тине, вязли в мягком, податливом дне озер и больших болот. Он привык, чтобы его хвост путался в водорослях, чтобы кругом него была муть и клубилась илом вода. Здесь — галька чуть поскрипывала под ногами, ила не было, а хвост легко и свободно волочился позади тела. Вода не поднялась до спины, она закрыла ноги, и — только.

И еще раз остановился бронтозавр: эта вода совсем не походила на обычную воду озер. Снова

он оглядывался и скрипел. И снова — было тихо, и он шел дальше.

«ГДЕ ЖЕ ВОДОРОСЛИ?»

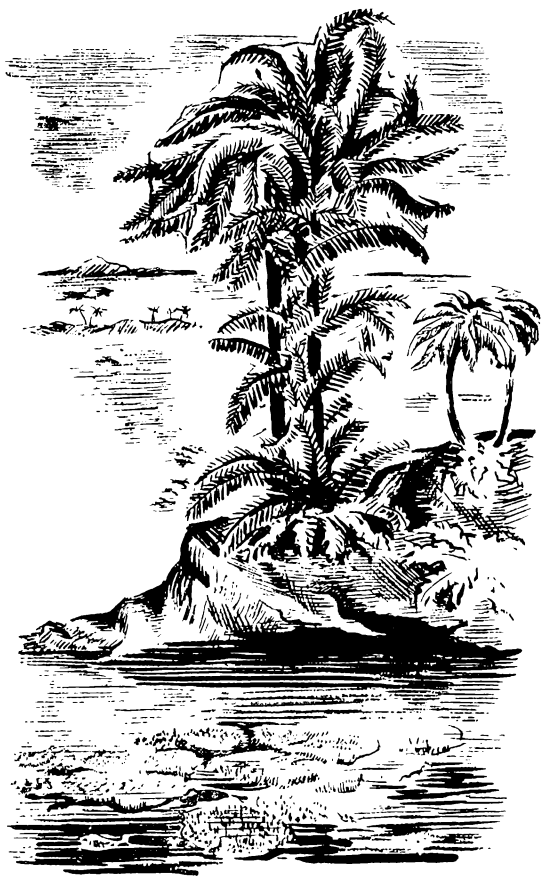
Весь день бродил бронтозавр по рукавам и заливам, ища глубоких мест, ища илистого дна и подводных зарослей. Он ничего не находил — ни зарослей, ни ила, ни глубины. Галька и песок, чистая вода, мели... Только раз он на что-то натолкнулся и потащил из воды. Это была ветка гингко, застрявшая у гальковой гряды. Ветка с полусгнившими листьями...

Он ел молодые побеги хвощей в затонах, объедал ветви гингко, жевал траву. Он ел все это потому, что был голоден, но он предпочел бы другое. Водоросли, нежные и сочные, с запахом болота и тины, водоросли, с которых бежали струйки, когда он поднимал их над водой и жевал, — их не было.

Снова пошел бронтозавр по воде, забирая все дальше и дальше от отмелей и берегов.

Солнце вспыхнуло в последний раз, зажгло облака и скрылось. Ярко-зеленый луч осветил закат, мелькнул, словно стрела, на миг вылетевшая откуда-то снизу и погас. На востоке поднялась и стала расти темно-синяя тень. Она ширилась и охватывала небо.

Закат потух, прохлада окутала реку, туман поднялся над хвощами. Черепахи поджали ноги и спрятали хвосты и головы под щиты, саламандры

вылезли из чаш, яраки поползли по отмелям, громко стуча клешнями. Галька перекатывалась и тихо шуршала под их жесткими коленчатыми ногами.

Вода плескалась около ног бронтозавра, огибала его струйками и спешила слиться снова в одно течение, тихое и ленивое...

На следующий день бронтозавр двинулся вниз по реке. Рукав был неглубокий, и он шел по воде, брызгаясь и плескаясь так, что его было слышно издали. Но услышать его было некому—ни на реке, ни в зарослях, ни на далеких лугах не было видно ни одного животного.

В середине дня бронтозавр добрался до огромного залива. Вода в нем была чуть соленая сюда забегало на час-другой море во время бурь и высоких приливов. По берегу залива сплошной стеной тянулись заросли хвощей, а на середине было глубоко и здесь были заросли водорослей. Тинистое дно чуть опускалось под ногами ящера тина лежала на гальковой подкладке.

Водоросли, тина...

«Вода—спасенье»—шепнул инстинкт. Бронтозавр пристально посмотрел на широкую гладь залива, словно ища на ней черных холмов.

Холмов не было, вода залива была гладка, и только кое-где нежная рябь указывала на подводные заросли.

Струйки воды переливались на солнце, брызги ярко сверкали, облачко радужной пыли окута-

ло голову бронтозавра. В его пасти был пучок водорослей, только что вытщенных из воды...

ОПЯТЬ НЕ ТАК

Залив был похож на озеро: он был так же велик, его водоросли вкусны, а вода тепла и глубока. И все же, бронтозавру чего-то не хватало. Он был один, и ему нужна была пара.

Инстинкт размножения, инстинкт сохранения рода требовал пары. Но ни одного бронтозавра не было видно на заливе, ниоткуда не доносился громкий скрип, нигде не поднимались над водой темные холмы с длинными шеями и маленькими головами.

Все чаще выходил бронтозавр из залива и бродил по соседним зарослям, выходил на луга и болота, напряженно всматривался в туманную мглу дали. Все чаще он едва успевал вернуться к ночи на воду. Но нигде в окрестностях не было видно бронтозавров.

Тогда он вышел из залива, прошел через заросли, миновал топкие болота и очутился на лугу. Этот луг тянулся до самого горизонта, и только там, где синее небо сливалось с бурой зеленью луга, темнели леса. Бронтозавр повернул и пошел параллельно реке, к туманному сиянию, видневшемуся вдали, над морем. Болота и трясины, ручьи и речки, путаная смесь воды, зарослей и трясин,— вот его путь.

В болотах, незаметно переходивших в морской

залив, он остановился. Здесь было столько воды и зарослей, что бронтозавр никак не мог разобраться в них сразу. Как высоко ни поднимал он голову, ничего кроме зарослей и островков, воды и отмелей не было видно.

Переходя с рукава на рукав, с болота на болото, с озерка на озерко, он шел много дней. И к концу недели он услышал где-то далеко-далеко знакомый скрип. Он даже не услышал его, а только почувствовал, так слабы были звуки. Но инстинкт подсказал ему то, чего не разобрало ухо.

«Здесь»...

И бронтозавр громко заскрипел, подняв голову и напряженно всматриваясь вдаль. Он скрипел до тех пор, пока у него не перехватило дыхание. Прислушался—но не услышал ответного скрипа. Ничто не нарушало тишины.

Бронтозавр шагнул в одну сторону, потом в другую, повернулся, пошел назад. Остановился, заскрипел и снова зашагал. Он не знал куда идти, а инстинкт повторял: «здесь», «здесь», «здесь». Это «здесь» тянулось на десятки километров, убежало к горизонту, сливалось в мутную мглу болот и озер, зарослей и рукавов.

Где-то, на каком-то рукаве, озерке, болоте... Но — где?

Он бродил и скрипел. Он делал сотню-другую шагов, останавливался, вглядывался в заросли и болота.

«Здесь», говорил инстинкт, и бронтозавр брел дальше, шурша зарослями и громко чвакая в тряси-
нах.

«Здесь», и бронтозавр перебирался с рукава на рукав.

«Здесь»,— и он ломился сквозь заросли хвощей.

«Здесь»,—и он проваливался до живота в тря-
сину, вяз в ней ногами и хвостом.

«Здесь», -и он шел по отмели, разметывая пе-
сок и перемешивая его с галькой.

«Здесь»... но наступал вечер, солнце пряталось,
и бронтозавр окоченевал с тем, чтобы на следую-
щий день снова начать поиски.

VIII. СОПЕРНИК

ПРИЛИВ

Прилившая волна в полнолуние была высока,
и море пошло на землю.

Словно неприятельские отряды ворвались в
страну врага—волны пошли приступом на берег,
низкий и пологий. Они проникли в болота и озе-
ра, вошли в рукава реки, осолонили воду заливов
и затонов. Хвощи согнулись под напором моря,
а водоросли перепутались и комьями всплыли,
оторванные от дна, на поверхность мутной
воды.

Вместе с волнами пришли и жители моря.

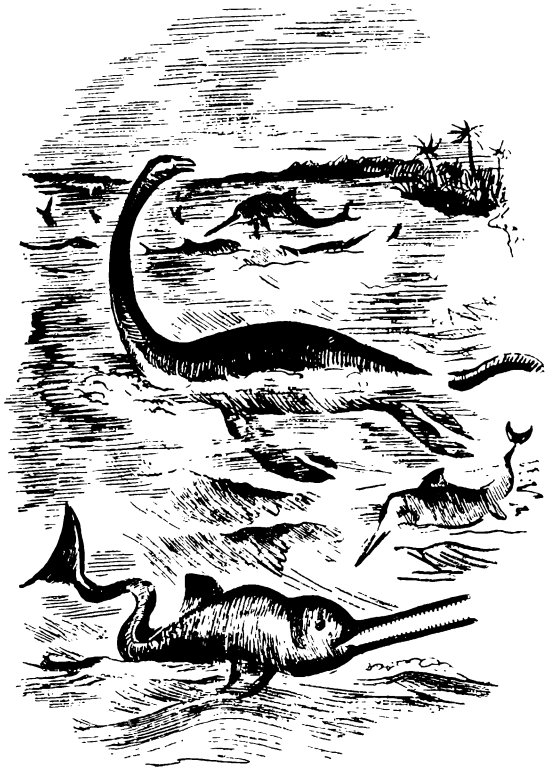
В большом затоне, залитом приливом, занесшим
морские волны на много километров вглубь стра-

ны, закопошились странные существа. Вода затона, всегда пресная, а теперь солоноватая, не была для них подходящей средой. И все эти губки и медузы, морские ежи и звезды, черви и моллюски, осьминоги и каракатицы,—медленно умирали. Их тела, пропитанные солью моря, жадно впитывали в себя пресную воду затона, разбухали и росли, растягивались, становились большими и словно раздутыми. Животные пили воду кожей, пили так старательно, словно хотели выпить весь затон. А потом—они погибали и опускались на дно, где их заносил навсегда тонким слоем ил.

Гигантские осьминоги беспомощно шевелили щупальцами—круглыми присосками, вытягивали их, обвивали ими стволы хвощей, росших в прибрежной воде, обвивали друг друга, переплетались студенистыми телами. Их рты раскрывались и громко щелкали челюсти, похожие на клювы попугаев. Глаза ярко сверкали в мутной воде, а запах мускуса становился очень сильным. А потом—глаза тускнели, щупальца обвисали, тело разбухало, и осьминог тяжело ложился на дно.

Словно спасаясь от неведомого врага, выпускали клуб за клубом черную жидкость каракатицы, скрываясь в чернильной мути. Но муть не спасала их: враг—пресная вода—был везде.

Море принесло и гигантов морской волны. Они были сильны и живучи, пресная вода не могла сразу погубить их тела, одетые то толстой кожей, то крепким панцырем чешуи. И в рукавах

реки—как в морских волнах—они боролись за жизнь, нападали и защищались.

Похожие на дельфинов ихтиозавры разрезали волны реки высокими спинными плавниками, а их большие хвосты рассекали воду с резким шумом паровых винтов. Большие акулы стаями гонялись за ихтиозаврами, нападали на них сбоку, сзади. Они избегали только одного—подплывать к ихтиозаврам спереди. Длинные челюсти ихтиозавра были усажены множеством острых зубов, и прожорливые рыбы кружились около него, старательно увертываясь от ударов сильных челюстей. Удары хвоста, удары плавников ихтиозавра разгоняли акул, но они тут же собирались в стайку, снова нападали, снова на ходу рвали зубами бока ящера.

Сражение почти всегда кончалось одним и тем же—пиром акул.

ОШИБКА

Приливная волна застала бронтозавра, когда он пробирался сквозь густые заросли хвощей. Для его тяжелого тела не был страшен напор приливной волны, а высота прилива была для него ничто,—так высок был он сам. Бронтозавр даже не заметил как поднимается вода.

Но зато он заметил другое.

Далеко впереди, среди зарослей и немного молчания, вдруг мелькнула голова на длинной шее. Эта голова поднималась над серединой одного

из затонов реки. Издали она так походила на голову бронтозавра, поднятую над водой, что бронтозавр направился к ней. Он вытянул шею и протяжно заскрипел. Голова исчезла, она ничем не ответила на призыв. Бронтозавр проскрипел еще раз и пошел напрямки через заросли, давя хвоци и не спуская глаз с затона, на котором только что мелькнула голова.

Длинная шея с маленькой головкой то появлялась, то исчезала. Бронтозавр подошел к заливу, заскрипел... И снова—ответа не было.

Голова исчезла и через несколько мгновений появилась на противоположном конце затона. Поднялась, оглянулась и снова скрылась.

Бронтозавр остановился.

«Нет!» - шепнул инстинкт.—«Нет, нет, нет...»

Бронтозавр ошибся. Голова принадлежала не бронтозавру. Это был плезиозавр, занесенный приливом из моря в реку. Его длинная шея с маленькой головкой обманула бронтозавра, он принял морского ящера за «своего».

«СОПЕРНИК!»

Бронтозавр понемногу забрел в такие заросли, что даже он едва мог продираться сквозь стоявшие сплошной стеной хвоци.

И вот, совсем недалеко послышался скрип. Он доносился с большого озера-залива, обросшего хвоцами.

Услышав скрип, бронтозавр остановился. Он

словно окаменел на несколько секунд, а потом сразу бросился вперед.

В скрипе не было призыва, в нем слышался голос соперника—самца.

Ярость охватила бронтозавра. Его тусклые глаза засверкали, шея раздулась и стала уже не серой, а темнофиолетовой. Он ломился сквозь заросли, громко плеская водой, топтал хвощи и спешил вперед, навстречу врагу. На ходу он то и дело скрипел, и в его скрипе слышались злоба и вызов.

Скрип с озера донесся снова, и бронтозавр еще раз остановился. Он высоко поднял голову и широко раскрыл пасть. Раздался громкий звук... Такого скрипа бронтозавр еще не издавал никогда—настолько громок и неприятен он был.

И снова с озера донесся ответ—соперник звал на бой.

Громко затрещали хвощи—соперники спешили навстречу друг другу.

Заросли хвощей вдруг разбежались в стороны. Впереди показалась большая топкая поляна. Не успел бронтозавр выйти на эту поляну, как на ее противоположном конце показалось массивное туловище.

Соперник!

Бронтозавр заревел так, что ближайšie хвощи колыхнулись, как от порыва ветра. Раскрыв пасть и поблескивая желтыми зубами-граблями, он медленно двинулся вперед, шипя и сверкая глазами.

ОНИ ПОДРАЛИСЬ

Бронтозавры были слишком велики и тяжелы для того, чтобы броситься друг на друга прыжком. Они сходились медленно, и только сверкавшие глаза да дрожь, пробегавшая по огромным туловищам, показывали раздражение ящеров.

Последний раз раздался скрип. Враги встретились.

Они не могли сражаться лапами — туловище не устояло бы на одних задних ногах. Они могли только кусать друг друга, толкаться боками и, тяжело ворочая хвостом, ударять им врага по ногам.

Соперник не пошел на бронтозавра прямо. Он шел то боком, то пятился, то выдвигался вперед. И подойдя к нему совсем близко, он вдруг сразу двинулся вбок, надавил на бронтозавра своим туловищем, толкнул его, и тот едва устоял на ногах. Он был слишком велик и тяжел, чтобы упасть от такого толчка, но зашатался, переступил ногами и на миг утратил равновесие. Этого замешательства было достаточно — соперник вытянул шею, раскрыл пасть, и желтые зубы глубоко врезались в шею врага.

Он не перегрыз горла бронтозавру, но все же рана была глубока, и кровь закапала на втопанную в грязь траву. Бронтозавр захрипел, оскалил зубы, приподнял хвост, но — соперник уже отступил на несколько шагов и достать его было нельзя.

И снова соперник боком подвигался на бронтозавра, а тот, словно зачарованный, смотрел и чего-то ждал. И снова толчок в бок, снова—укус.

Бронтозавр-соперник это был старый ящер—немного ошибся и подошел к врагу не боком, а грудью. И тот, несмотря на свою молодость и неопытность, не упустил этого момента. Длинная шея протянулась, обвилась, перепуталась с шеей противника. Оба ящера обхватили один другого, как бы обнялись шеями. Их головы оказались одна против другой, глаза смотрели в глаза, и пар, вырывающийся из ноздрей одного, смешивался с паром другого. Но ни тот, ни другой не могли достать друг друга зубами—шеи так переплелись, что двигать головами соперники не могли.

Упершись один в другого грудью, они стояли неподвижно и громко хрипели. Вдруг старик немного попятился, передвинулся. Толчок—и молодой бронтозавр не устоял, зашатался, приподнял одну ногу, потом другую и грузно упал на бок.

НЕОЖИДААННЫЙ СПАСИТЕЛЬ

Упавший бронтозавр ворочался, лежа на боку, и пытался упереться ногами в землю, чтобы встать. Его гибель была неминуема—ее несли с собой ноги врага. Бронтозавр не понимал этого и продолжал яростно хрипеть, вытягивал шею и старался укусить соперника...

Громкий рев прокатился над хвощами... Треск... Прыжок...

Между бронтозавами мелькнула тень—туловище мегалозавра.

Хищник промахнулся, его прыжок был неудачен, но этот-то прыжок и спас жизнь молодому бронтозавру.

Соперник поднял голову и громко заревел. Мегалозавр прыгнул снова — на старика-бронтозавра.

Старик был опытен не только в боях с соперниками. Он умел защищаться и от нападений мегалозавра. Громоздкое туловище быстро повернулось, шея вытянулась, и—летевший по воздуху мегалозавр был сшиблен на землю тяжелым ударом шеи бронтозавра. Хищник упал, вскочил, заревел и снова прыгнул. И опять — он упал на землю...

Мегалозавр рассвирепел. Он не ел уже несколько дней и был очень голоден. Гора мяса мелькала перед его глазами и раздражала его. Он утратил всякую осторожность и стал прыгать, как поपालю. Он бросался бронтозавру прямо на шею, прыгал навстречу тому страшному цепу, который сбивал его на землю.

Тем временем молодой бронтозавр успел встать. И когда около него тяжело рухнул снова сбитый на землю мегалозавр, он поднял ногу и придавил хищника.

Мегалозавр захрипел, забил по земле хвостом...

Старик-бронтозавр, увидя соперника, снова бросился на него. Но теперь бронтозавр не принял боя. Он попятился, повернулся и быстро

зашагал прочь от поляны. Громовый рев понесся ему вдогонку, но он не ответил на вызов, даже не оглянулся. Он — бежал.

Соперник остался на поляне. Его ярость нашла выход — он набросился на мегалозавра и принялся топтать его. Он топтал его до тех пор, пока от мегалозавра не осталось и следов. Тогда он поднял голову и заскрипел. Беглец не ответил, хотя и слышал вызов, — он пробирался сквозь заросли, чтобы уйти подальше от опасного соседства.

IX. БЕГСТВО

«ОЙ, КАК СТРАШНО!»

Небольшой зверок промелькнул меж листьев цикадеи, пробежал по длинному черешку и перебрался с листа на лист. Он был величиной с крысу, его тело покрывала реденькая шерстка, небольшие глазки смотрели бойко и лукаво. Когда к цикадее подошел бронтозавр, зверок на миг замер, притаившись на листе, а потом снова побежал по черешку. Ящер задел боком ствол цикадеи, дерево вздрогнуло, черешки качнулись, и зверок упал на бронтозавра. Он уцепился коготками за толстую кожу, повис на ней, а потом побежал по спине ящера.

Бронтозавр вздрогнул. Он не видел того, кто бежал у него по спине, но ощущение чего-то копошащегося на коже было неприятно. Потом страх охватил гиганта, он вздрогнул еще раз, встряхнул-

ся и быстро зашагал вперед. Зверок еще крепче вцепился в кожу, притих на несколько минут, а потом—побежал к шее, перебрался на нее...

Громкий рев вырвался из пасти бронтозавра рев страха. Его ноги подогнулись, хвост взметнулся, шея задергалась... Зверок повис на коже, цепляясь за шею ящера изо всех сил... Тогда бронтозавра охватил такой ужас, что он упал на песок, повалился на бок и принялся елозить шейей по песку, стараясь сбросить с нее то, что цеплялось, царапало, щекотало.

Зверок тотчас же соскочил на песок. И тут-то перед глазами бронтозавра на миг мелькнуло крохотное тельце. Бронтозавр встал и зашагал прочь.

Он продолжал встряхиваться, подергивать кожей, размахивать шейей и бить хвостом по сторонам. Ему казалось, что по спине кто-то ползает, кто-то царапает кожу. От этого ощущения он не мог освободиться весь день. И поздно вечером, начав коченеть, он нет-нет—подергивал кожей, словно вспомнив про маленького зверка, пробежавшего днем по его спине.

Крохотный зверок был одним из сумчатых зверьков, недавно появившихся на земле. Он принадлежал к тем маленьким, смелым животным, с большим мозгом в большой голове, которые шли на смену громоздким ящерам и должны были со временем сделаться настоящими властителями земли.

БРОНТОЗАВРИХА

Спасаясь от зверька, бронтозавр отошел далеко в сторону от дельты реки. Здесь болота и озера встречались уже не так часто, но и тут было много зарослей, и тут инстинкт продолжал шептать «здесь» и гнал ящера вперед.

И вот, на одном из озер, бронтозавр издали заметил голову на длинной шее. Он заскрипел, сверкнул глазами и пошел к озеру. С озера донесся ответный скрип. Этот скрип не был вызовом на бой, он был нежен и призывен,—то был скрип самки.

Бронтозавр подошел к озеру, вошел, не останавливаясь, в воду и двинулся к голове, видневшейся вдали от берега.

Волны плескались о берега, хвощи гнулись и качались, ил клубами поднимался сзади ящера и мутил воду. «Тук-тук-тук» билось сердце бронтозавра, и кровь все быстрее и быстрее текла по его телу.

Самка подняла голову, повернулась и медленно пошла навстречу бронтозавру.

Они сошлись, вытянули шеи и дотронулись друг до друга кончиками морд. Потом встали рядом, опустили головы под воду, выдернули по пуку водорослей и принялись жевать их. Это была странная встреча и еще более странное приветствие, но бронтозавры были очень прожорливыми животными и никогда не упускали случая поесть.

Так стояли они рядом и сли почти пол дня. И только когда солнце перешло на запад, они почувствовали себя сытыми. Все реже они опускали морды в воду, реже выдергивали пучки водорослей, медленнее жевали. И когда они перестали есть, то снова конец морды бронтозавра прикоснулся к телу самки...

Они двинулись к берегу, но не успели дойти до него. Солнце нырнуло за облака, побежали тени, сразу потянуло холодом. Бронтозавры остановились, огляделись, повернули и пошли к середине озера. Наступала ночь, время оцепенения.

Утром они проснулись и принялись за еду. А пока они ели, откуда-то донесся рев. Бронтозавр сразу перестал жевать, выронив из пасти пуч водорослей. Он поднял голову, прислушался, и глаза его заблестели, а шея начала раздуваться. В реве слышался вызов, ревел—где-то еще очень далеко—самец, ревел—соперник. Теперь, когда самка была рядом, бронтозавр стал смел и решителен, он никого и ничего не боялся и он не намеревался уступить место без боя. Раскрыв пасть, он ответил таким криком, что самка, привыкшая к реву самцов, даже отшатнулась от него, оглушенная этим громоподобным ревом.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Бронтозавры перекликались долго. Чем ближе раздавался рев соперника, тем сильнее раздувалась шея бронтозавра и тем ярче отливала она

то красно-бурым, то фиолетовым цветом. Иногда он в ярости взмахивал хвостом, и тогда волны вперегонку бежали к берегу и гнули хвощи. Он то высоко вскидывал голову и ревел в небо, то вытягивал шею по воде, и звук катился по озеру, отталкивался от берега и гремел среди зарослей. Он в нетерпении переступал ногами, и все глубже опускалась в воду его спина -- такую яму протоптал он в мягком дне озера.

Самка была спокойна. Она жевала водоросли и только время от времени взглядывала на берег.

Когда прибрежные хвощи затрещали и закачались, бронтозавр яростно зашипел. Его раздражение достигло крайних пределов. Он рвался навстречу врагу, но не хотел ютойти от самки. И яростно топоча ногами и размахивая под водой хвостом, он как бы бежал вперед, оставаясь на месте.

На берегу озера показался огромный самец-бронтозавр. Это был тот самый «старик», с которым так неудачно сражался молодой самец.

Бронтозавр-старик вошел в озеро с таким шумом и плеском, словно привалило целое стадо бронтозавров. Волны перекатились через спины самки и молодого самца, а пригнувшиеся хвощи долго не выпрямлялись.

Подойдя почти вплотную к паре, старик вытянул шею по воде и издал оглушительный рев. Бронтозавр зашипел, брызгая слюной и сверкая глазами. Он так затопотал ногами, что самка,

чуть не сбитая с ног, отодвинулась от него на несколько шагов. Бронтозавр тотчас же придвинулся к ней, а старик тоже шагнул вперед....

БОЙ ЗА САМКУ

Так начался бой за самку посреди большого озера. Самка пятилась, самец придвигался к ней, а соперник в свою очередь придвигался к ним обоим. Пятясь и придвигаясь друг к другу, они обошли всю середину озера и начали уже второй круг, когда молодой бронтозавр, раздраженный и этими переходами и видом соперника, шагнул вперед. Он успел куснуть старика и отодвинуться, избежав ответного укуса. Старик рассвирепел и сразу перешел в наступление. Он забыл об осторожности и пошел прямо вперед, высоко подняв шею. Бронтозавр невольно попятился, толкнул самку, та повернулась и толкнула его боком. Не успел он оправиться от этого толчка, как на его голову обрушился страшный удар—старик ударил его сверху головой, как молотом. Качнувшись, бронтозавр чуть не упал, его голова мотнулась в воздухе, опустилась и тяжело хлопнула по воде. Брызги полетели во все стороны, обдали соперника, залили ему морду. И только это спасло бронтозавра—соперник на миг закрыл глаза и не успел нанести второго удара.

Самка отступила. Ее испугал вид двух огромных, тяжело ворочавшихся тел, ее валили с ног массы воды, которые гнали во все стороны дра-

чуны. Она медленно пошла в сторону, но самцы двинулись за ней, и сколько она ни пыталась уйти, все время около нее ворочались самцы, а волны били ее в бока, перекатывались через ее спину и заставляли высоко поднимать голову. Водоросли перепутанной сетью всплыли со дна, вырванные ударами хвостов, опутали шею бронтозавров, повисли у самки на спине.

Прошел час, другой, третий...

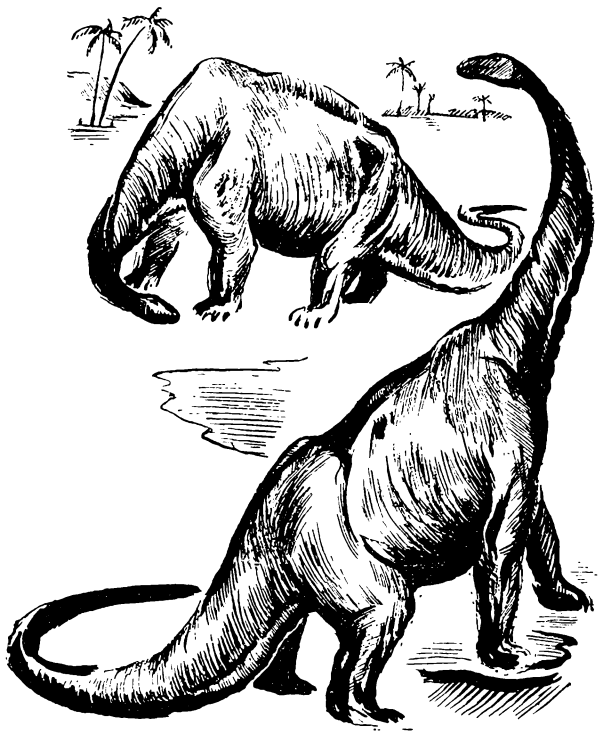
Самцы продолжали переступать в воде, старик теснил молодого, молодой придвигался к самке, та отодвигалась подальше. Так, делая круг за кругом, они провели весь день. И когда наступил вечер, они сохранили занятые ими места—самка, возле нее молодой, а чуть в сторону от них—старик.

ПОБЕДА СТАРИКА

На утро бой возобновился. Но теперь старик стал нападать яростнее, а молодой, почти ничего не евший весь вчерашний день, ослабел и защищался с большим и большим трудом.

Старик толкнул его особенно сильно, молодой не удержался, качнулся и привалился к самке. Самка отодвинулась—молодой упал. Волны только на миг покрыли его спину—он быстро встал на ноги. Но старик уже успел продвинуться вперед. Теперь между самкой и молодым бронтозавром стоял соперник—старый самец.

Самка ничем не ответила на такую перемену. И когда молодой начал наступать на старика,

она так же попятилась в сторону, как пятилась и раньше.

Бронтозавр наступал, но он был гораздо меньше старика, его тело было легче и его толчки не

обладали такой силой. Не ему было сдвинуть двадцатитонную гору мяса и костей—тело старика-самца. Он топтался вокруг него, пытался оттеснить от самки, но безуспешно—гора не двигалась с места.

Старик снова перешел в наступление.

Берег был совсем уже близко. И чем мельче становилось озеро, чем больше поднималось над водой тело бронтозавра, тем сильнее наступал старик. Теперь вода не стесняла его движений, и он мог показать всю свою силу. У самого берега он так толкнул молодого, что тот зашатался, несколько раз переступил, стараясь сохранить равновесие, и сразу оказался почти на берегу. Старик подошел к нему, снова толкнул...

На берегу был дан последний бой. Старик искусал молодого, прокусил ему шею, разодрал щеку и толкал его так, что тот едва держался на ногах. И вот молодой упал... Старик громко заскрипел—и поспешил обратно в воду. Там, посреди озера, виднелась самка. Теперь это была—его самка.

Поднявшись, молодой бронтозавр подошел к воде. Он долго стоял на берегу, вытянув шею. Потом заскрипел. И старик ответил ему, но не обычным призывным скрипом бронтозавров, а ужасающим ревом. Молодой замялся на берегу, но все же вошел в воду. И тотчас же старик двинулся ему навстречу.

Молодой самец не устоял—вышел из воды и побрел к зарослям.

Х. РОГАТЫЕ ЯЩЕРЫ

ПЕРВОПТИЦА

Впереди показался лес. Бронтозавр вошел под тень деревьев и остановился. С дерева раздался резкий крик. Этот крик напоминал бронтозавру, что-то давно знакомое. Он не помнил того, что было связано с этим криком, но крик говорил о чем-то неприятном. Бронтозавр огляделся—словно ища кого-то—и пошел не вдоль опушки, как шел раньше, а прямо вперед, в лес.

Крик не прекращался. Он следовал за бронтозавром, и куда бы тот ни повернул,—всюду в воздухе висели эти резкие металлические звуки.

Между деревьев что-то мелькнуло... Еще раз... Еще...

Крики были похожи на крики птеродактилей, а мельканье меж ветвей напоминало мельканье крылатых ящеров меж скал. Встреча с ними произошла давно, бронтозавр не сохранил и следов воспоминания об этой встрече, но связь между криками и болью, усвоенная еще в детстве, сохранилась. И теперь, услыша крики и увидя мельканье каких-то летающих существ, он поспешил уйти подальше от такого соседства.

Птеродактилей в лесу не было. Первоптицы-археоптериксы, словно странные крылатые ящеры, перелетали с ветки на ветку, крепко цеплялись за них когтистыми пальцами, повисали на когте, торчавшем на крыле. Хвосты их были усажены двумя рядами перьев.

Задевши одно из деревьев, бронтозавр сшиб, сам не зная того, молодого археоптерикса на землю. Тот упал в заросли папоротников, завяз там и кричал во все горло, а взрослые птицы, встревоженные этими криками, летали по соседним деревьям и тоже кричали что было сил.

Только тогда, когда последние крики смолкли вдаль, бронтозавр остановился. Кругом высоко поднимались деревья. Лес не был густым, но все же внизу лежали тени, а в кустах и зарослях папоротников было сыро и прохладно.

Бронтозавр прошел через лес и вышел опять на опушку.

БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЕ

Несколько резких голосков уже давно перекликались вблизи опушки совсем недалеко от бронтозавра. Но голоса не были громки, они не походили ни на рев мегалозавра, ни на крики птеродактилей, и бронтозавр не обращал на них никакого внимания. Иногда в кустах мелькали небольшие животные,—и тотчас же исчезали в зарослях.

Бронтозавр был во много десятков раз больше этих зверков, он проходил мимо них так же спокойно, как мимо черепах и маленьких динозавров.

Крики раздавались чаще и чаще, в кустах то тут, то там мелькали быстрые тени. Иногда животное перескакивало через невысокий куст, ино-

гда оно быстрыми прыжками проносилось мимо куста. И куда ни шел бронтозавр—крики и прыжки провожали его, неотступно следовали за ним.

Животные преследовали бронтозавра и чего-то ждали.

Опушка кончилась, показался луг, за лугом болото, за болотом—озеро.

Бронтозавр остановился, повертел головой и пошел через луг. И тут же раздались резкие крики, животные выскочили из-за кустов, помчались большими прыжками по лугу. Они прыгали в сторону бронтозавра с такой скоростью, точно летели по воздуху.

Задние ноги этих животных были очень длинные, а передние короткие; крепкие и острые когти служили и для защиты и для нападения. Невысокий зубчатый гребень тянулся вдоль спины и длинного хвоста, а на носу торчал длинный и острый рог. Это были цератозавры, небольшие, но свирепые хищники, охотившиеся стаей. Их головы были сравнительно не так уже малы, а мозг был развит значительно сильнее, чем у бронтозавра. Острые зубы торчали во рту, они глубоко впились в тело врага. Но не зубы придавали силу этим хищникам. Их сила заключалась в том, что они держались и нападали стаей. Потому-то они были страшны, страшнее мегалозавра-одиночки. Врага встречали не десятки, а сотни и сотни острых зубов и когтей.

КТО ПОБЕДИТ?

Бронтозавр шел по лугу, когда возле него раздался резкий крик. Он остановился, повернул голову... И тут-то на его спину прыгнул один из цератозавров. Он впился зубами в толстую кожу, сжал челюсти, вонзил когти в бока ящера и повис у него на боку.

Изогнув шею, бронтозавр громко заревел и тяжело повернулся в сторону. И тотчас же к нему подскочил еще один хищник и укусил его за ногу. Тяжелая нога поднялась и придавила хищника к земле, а хвост взметнулся, описал страшный полукруг, ударил и сшиб еще двух хищников.

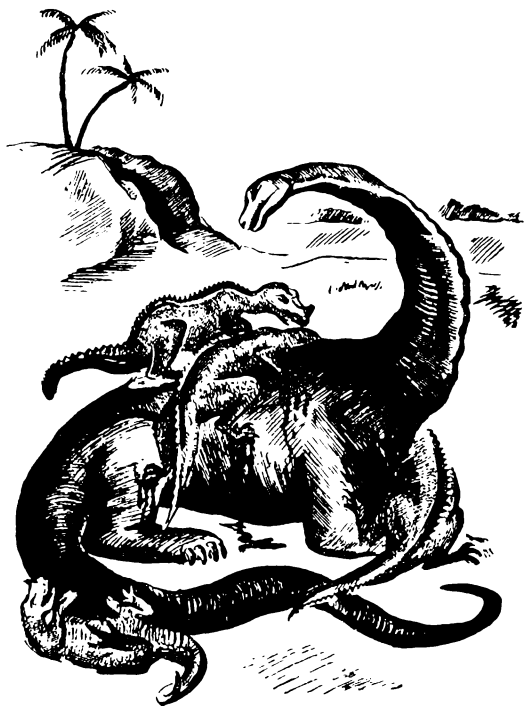
Резкие крики смешались с ревом бронтозавра. Раздавленный цератозавр умирал, хрипя и давясь кровью и слюной, но не разжимал челюстей и продолжал в предсмертных судорогах кусать ногу бронтозавра.

Бронтозавр еще раз взмахнул хвостом и зашагал. Он спешил к озеру, вода которого блестела за болотом и словно звала его к себе.

«Вода—спасенье!»

Никогда, пожалуй, он так не нуждался в этой воде, как сейчас. И он шагал быстро, как только мог, а вдогонку за ним прыгали рогатые ящеры, стараясь на лету вцепиться зубами или когтями в его кожу.

Один из цератозавров забежал вперед и прыгнул прямо на шею бронтозавра. Но удар тяжелой головы сбил его на землю, а падая он сломал себе

спину. Перебирая ногами, ящер корчился на земле, пытался встать и снова падал. Широко раскрыв пасть, хрипя и задыхаясь, он размахивал хвостом, ища точку опоры для прыжка. Ноги и хвост были, как и всегда, сильны и послушны, но спина оста-

валась неподвижной. Бронтозавр прошел вперед, цератозавры запрыгали за ним.

Резко покрикивая, цератозавры бросались на бронтозавра, падали и прыгали снова, корчились на земле. Но их было много, и на смену выбывшим мчались новые и новые. Один из цератозавров прыгнул бронтозавру на спину и повис на ней, другой вцепился в шею, третий впился в хвост, и сколько бронтозавр ни размахивал им, он не смог стряхнуть с хвоста впившегося в него хищника.

Кровь ручьями текла по толстой коже, когти цератозавров раздирали раны, рвали в клочья живое мясо, превращали кожу в лохмотья.

Бронтозавр задыхался... Он упал на траву и перевалился с боку на бок. Тоненьким голоском заверещал придавленный цератозавр; не успев крикнуть, умер другой, тот, который висел на хвосте. Но взамен их три новых хищника повисли на боках ящера.

Грузно ворочаясь на земле, бронтозавр давил врагов. Как медленно он ни ворочался, цератозавры не успевали увертываться от него. Они так крепко впивались в кожу зубами, так цепенели во время этих укусов, что не могли разжать челюстей даже в тот момент, когда бронтозавр начинал постепенно придавливать их к земле.

На миг цератозавры отступили. Бронтозавр встал и снова зашагал вперед. Теперь на нем висел только один цератозавр.

Болотистая почва глубоко вдавливалась под ногами, бронтозавр вяз в ней и шел все медленнее. Но и цератозаврам прыгать становилось все труднее. Один за другим, они отставали от ящера и, резко крича ему вслед, провожали его злобными глазами—добыча ускользала.

Бронтозавр шел к озеру. Хищник висел на его боку, грыз кожу, царапался, и боль подгоняла бронтозавра сильнее, чем крики оставшихся далеко позади врагов.

ОБА НА ДНЕ ОЗЕРА

Бронтозавр вошел в воду.

И только здесь кончилось оцепенение у обезумевшего от ярости цератозавра. Услыша плеск, он глянул вниз, увидел воду и на миг разжал челюсти. Но спрыгнуть ему было некуда—кругом плескалась вода. Он вцепился когтями в кожу бронтозавра и полез по ней, цепляясь за нее, как за кору дерева, повыше, на спину. Это подогнало бронтозавра, и он зашагал быстрее. Цератозавр лез по боку на спину, а ящер все дальше уходил от берега. Скоро вода покрыла его бока, поднялась к спине, начала заливать спину...

Цератозавр забрался на самую верхушку спины, вода поднялась за ним и туда. Он сидел на спине, как на крохотном островке, окруженный плескающимися волнами. Спрыгнуть ему было некуда—он боялся воды.

Вода залила задние ноги цератозавра, залила

ему бока, поднялась к голове. И когда бронтозавр прошел еще несколько шагов, цератозавр забился и заскреб когтями, задыхаясь и захлебываясь. Он разжал челюсти, отцепился от бронтозавра и свалился в воду. Только раз он всплеснул длинным хвостом и пошел ко дну. Несколько пузырей поднялось над водой.

Силы бронтозавра слабели. Кровь струйками бежала от него во все стороны, и вода озера краснела с каждой минутой, с каждым шагом, с каждым движением ящера. Его ноги начали дрожать и подгибаться, шея гнулась к воде, хвост, тяжелый и неподвижный, волочился по дну.

Кровь, убегая, уносила с собой тепло, а его и так было очень немного в теле бронтозавра. Ящер слабел, остывал и понемногу цепенел. Но пока еще грело солнце, пока его лучи еще были горячи и отвесны, они пополняли ту убыль тепла, которую несла с собой потеря крови.

Бронтозавр не мог уже есть, — шея не слушалась его, и он не мог опустить ее глубоко в воду, чтобы сорвать на дне водоросли. Он мог только стоять, и он стоял, чуть покачиваясь, а вода вокруг него краснела все больше...

Бронтозавр качнулся, зашатался, выровнялся и снова замер на месте... Качнулся опять... Все труднее ему было удержаться на ногах. Ноги подгибались, туловище давило на них, давило на хвост...

Шея легла на воду, туловище задрожало, пошатнулось и исчезло под водой. Вода плеснулась,

круги побежали к берегам, зашуршали высохшими хвощами.

Только раз еще всплеснулись волны—длинный хвост взметнулся и тяжело протянулся по дну.

Огоньки, плясавшие над водой, несколько ночей были ярче и крупнее, чем обычно. Это были «огоньки бронтозавра»—из разлагавшегося тела ящера выделялось много газов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. Миллион лет тому назад	3
II. Первый день	10
III. Вода — спасенье	22
IV. Озеро высохло	35
V. Крылатый ящер	46
VI. Вулкан	61
VII. Голос инстинкта	75
VIII. Соперник	83
IX. Бегство	92
X. Рогатые ящеры	101
